

Российская Академия Наук

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
ИНСТИТУТ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

РГСУ

АКАДЕМИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ
И ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

ПРОЕКТ
«СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ
ИЗМЕРЕНИЕ РЕАЛИЗАЦИИ ПРОЦЕССОВ
ЕВРАЗИЙСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ»

Выпуск № 3

*ЕВРАЗИЙСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ:
ПРОБЛЕМНЫЕ ЗВЕНЬЯ
И ТОЧКИ РОСТА*

Москва 2017

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт социально-политических исследований
Российской академии наук

Академический Институт социально-политических
и этнодемографических исследований
Российского гуманитарного социального университета

Научное издание

Под общей редакцией
академика РАН Г. В. Осипова
и д. социол. н., проф. Г. И. Осадчей

Редакционная коллегия серии:
д. филос. н., проф. Э. М. Андреев,
д. социол. н., проф. И. В. Лескова,
д. социол. н., проф. Г. И. Осадчая,
к. социол. н., доц. И. А. Селезнев

**Проект «Социально-политическое измерение
реализации процессов евразийской интеграции».**

Выпуск № 3.

*Евразийская интеграция: проблемные звенья
и точки роста.*

– М.: ФГБУН ИСПИ РАН, 2017. – 100 с.

Данный сборник продолжает серию публикаций Центра методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции ФГБУН ИСПИ РАН. В нём представлены материалы международного «круглого стола» «Евразийская интеграция: проблемные звенья и точки роста», проведённого ФГБУН Институт социально-политических исследований РАН (ФГБУН ИСПИ РАН), научным советом ФГБУН ИСПИ РАН под научно-методическим руководством ООН РАН «Социально-политические проблемы формирования Евразийского экономического союза», факультетом социологии и Академическим институтом социально-политических и демографических исследований ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет 12 апреля 2017 г. Издание адресовано научному и экспертному сообществу, однако может быть полезным в качестве учебного пособия и представлять определённый интерес для читателей, интересующихся проблемами евразийской интеграции.

ISBN 978-5-7556-0580-9

© ФГБУН ИСПИ РАН, 2017

Авторский коллектив

Академик РАН Г. В. Осипов –

Вступительное слово;

д. социол. н. Г. И. Осадчая –

Формирование единого рынка труда Евразийского
экономического союза как условие успешности
интеграционных процессов в ЕАЭС;

д. филос. н. Э. М. Андреев –

Место и роль методологии в исследовании и реализации
процессов евразийской интеграции;

к. социол. н. Н. Н. Калмыков, Ю. И. Огнёва –

Драйверы и риски евразийской интеграции: взгляд экспертов;

академик АН Армении Г. А. Погосян –

Проблемы евразийской интеграции в пространстве
европейской гравитации;

д. э. н. Г. Н. Соколова –

Социальные риски и «коридор возможностей» в контексте
евразийской интеграции: Республика Беларусь;

д. э. н. В. Ю. Додонов –

Казахстанская экономика в условиях евразийской интеграции:
тенденции и промежуточные итоги;

к. социол. н. И. А. Селезнёв –

Роль интеграционных структур в обеспечении безопасности
стран Средней Азии;

д. социол. н. И. В. Лескова –

Электронная валюта: возможности использования в ЕАЭС;

д. филос. н. Л. Ф. Деловарова –

Миграционные процессы и развитие регионального сотрудничества в контексте евразийской интеграции;

д. полит. н. З. А. Дадабаева –

Риски расширения ЕАЭС на примере возможного присоединения Республики Таджикистан;

к. и. н. А. В. Бредихин –

Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции;

к. социол. н. Э. К. Турдубаева –

Качество жизни старшего поколения в Кыргызстане после вступления в ЕАЭС;

Р. А. Сарымсаков –

Плюсы участия Кыргызстана в евразийской интеграции;

д. социол. н. Т. Н. Юдина

Социальное самочувствие мигрантов из государств – членов ЕАЭС в Москве.

7	I. Вступительное слово
11	II. Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза как условие успешности интеграционных процессов в ЕАЭС
17	III. Место и роль методологии в исследовании и реализации процессов евразийской интеграции
23	IV. Драйверы и риски евразийской интеграции: взгляд экспертов
31	V. Проблемы евразийской интеграции в пространстве европейской гравитации
35	VI. Социальные риски и «коридор возможностей» в контексте евразийской интеграции: Республика Беларусь
41	VII. Казахстанская экономика в условиях евразийской интеграции: тенденции и промежуточные итоги
51	VIII. Роль интеграционных структур в обеспечении безопасности стран Средней Азии
58	IX. Электронная валюта: возможности использования в ЕАЭС
66	X. Республика Таджикистан в процессах евразийской интеграции
72	XI. Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции
75	XII. Миграционные процессы и развитие регионального сотрудничества в контексте евразийской интеграции
78	XIII. Качество жизни старшего поколения в Кыргызстане после вступления в ЕАЭС
82	XIV. Плюсы участия Кыргызстана в евразийской интеграции
85	XV. Социальное самочувствие мигрантов из государств – членов ЕАЭС в Москве

I. Вступительное слово

Уважаемые коллеги и наши гости!

Разрешите мне поприветствовать вас – участников международного «круглого стола» «Евразийская интеграция: проблемные звенья и точки роста» и выразить уверенность в том, что нам удастся сегодня плодотворно поработать, – обсудить и прийти к взаимопониманию по целому ряду важнейших проблем, стоящих и требующих своего решения со стороны стран – членов ЕАЭС. Это позволит создать почву и в дальнейшем для открытого обмена мнениями по наиболее серьёзным и актуальным вопросам евразийской интеграции.

Два прошедших года в целом успешной работы Евразийского экономического союза показали, что это объединение становится надёжной интеграционной структурой на постсоветском пространстве. Создан ёмкий общий рынок на основе универсальных правил ВТО, последовательно устраняются барьеры на пути движения товаров, услуг, капиталов и рабочей силы. Плодотворная работа идёт и на внешнем контуре ЕАЭС. Около 50 государств в мире проявляют интерес к сотрудничеству с ЕАЭС. Но главное – формируется понимание того, *куда и как необходимо двигаться дальше*.

Президент России выступил с инициативой формирования **многоуровневой интеграционной модели в Евразии – большого евразийского партнёрства**. Эта тема в ближайшие годы наверняка станет одной из **ключевых в международной повестке дня**. Она требует пристального внимания и со стороны научного сообщества.

Известно, что основоположником *методологии «интегрализма»* является видный российско-американский учёный П. А. Сорokin, обосновавший необходимость перехода к *модели интегрального общества* в мире. Разумеется, эта методология и эта модель приобретают особое значение сегодня для изучения и реализации процессов евразийской интеграции.

В современный период на статус господствующих в мире претендуют социально-политическая концепция и соответствующая ей модель **глобального конституционализма**. Он сформирован на базе неоллиберализма и неоконсерватизма глобальной элитой в лице глобального управляющего класса для достижения *генераль-*

ной цели – сохранения и развития мировой капиталистической системы.

Новый российский интеграционный проект для Евразии – это глобальная заявка на самостоятельную, конструктивную позицию в мире, на создание иной, основанной на принципах атлантизма и неолиберализма социально-экономической, социально-политической и социально-культурной систем. Этот геополитический проект в отличие от западного – не проект потребительского общества, нацеленного на возвращение «квалифицированного потребителя», способного умело пользоваться результатами деятельности других. Проект евразийской интеграции сегодня призван, может и должен быть основан на антиэксплуататорском, небюрократическом, неолигархическом мировоззрении. Впитав в себя всё лучшее, а не худшее от капитализма и социализма, он призван осуществить социально-культурную, цивилизационную миссию. Причём, двойную миссию, ибо, сохранив себя как *противоречие* и *альтернативу* Западу с его политикой «управляемого хаоса на пространствах Евразии», он будет по мере своей реализации способствовать развитию различных общественных систем, а значит, утверждению многообразия и уникальности всего мира в целом.

Что же *мешает* или, наоборот, может *способствовать* осуществлению в современный период реальных процессов Евразийской интеграции? В целом, представленные политическим руководством России к обсуждению и для реализации новые концепты и идеология развития, а также Евразийский интеграционный проект, вне сомнения, содержат целый ряд позитивных идей, положений, установок и позиций. Однако вместе с тем они вызывают и немало конкретных вопросов, касающихся сегодняшней ситуации в стране: о причинах стагнации экономики (высокий уровень бедности, низкий уровень научно-технологического оснащения производства и производительности труда); о результатах реализации шести национальных проектов и стратегий инновационного развития, модернизации; реформ государственного управления и политической системы, сфер образования, науки, культуры, решения многих других проблем, связанных, прежде всего, с серьёзным отставанием России в росте, повышении человеческого потенциала, с определёнными показателями макропсихологического состояния российского общества, уровня субъектности, человеческого развития в целом и др.

В основе нарастающих проблем социально-экономического характера лежат несоответствие сложившейся сырьевой модели экономики государства, износ объектов национальной инфраструктуры, нарастание диспропорций в развитии регионов.

Однако ситуация в стране и в мире является отнюдь не безнадежной. Достаточно безнадежной она бывает для тех, кто хочет остановить объективные исторические и социальные процессы лозунгами и старыми политическими методами решений и действий, кто пренебрегает доверием общества.

Современность же поставила перед Россией, как перед государством и цивилизацией, целый ряд *вызовов* глобального, регионального и внутреннего масштабов. В связи с этим объективно востребовано появление таких государств, которые могли бы предъявить новую неконфронтационную повестку дня, новые взаимовыгодные *идеи* и *проекты*, выступить на этой основе в качестве *лидеров – модераторов*. Согласно теории историко-цивилизационного развития только эффективный, масштабный ответ на концентрированный исторический вызов может гарантировать дальнейшее выживание, развитие и процветание любой целостной и государственно-политически оформленной цивилизации.

Россия может и должна участвовать в этом процессе. Одним из залогов её успеха станет способность предложить масштабные исторические проекты развития, предъявить мировому сообществу и региональным партнёрам активную позицию взаимовыгодного сотрудничества, смену стратегических приоритетов, уход от тенденции усиления прежних угроз и создание условий для преодоления новых, связанных с переходом человеческого общества к электронно-цифровой стадии развития и обществу знания.

Одним из таких национальных проектов, отвечающих во многих своих аспектах указанным вызовам, является проект «**Единая Евразия – ТЕПР**». По своим масштабам и затратам, возможным выгодам и рискам предложенный проект выходит за рамки самых крупных федеральных программ и относится к категориям **мега-проектов** (типа атомной или космической программ). По оценке разработчиков мегапроекта, его реализация должна обеспечить рывок в модернизации и развитии транспортной системы, позволит сократить сроки доставки грузов между Западной Европой, Дальним Востоком, Юго-Восточной Азией и Америкой в пять-шесть раз и снизить затраты в два-три раза. Для экономики России это очень важные, по-настоящему перспективные результаты прорыва.

Инфраструктурная составляющая большой евразийской интеграции невозможна и без реализации проектов в *энергетической сфере*. Выступая на Восточном экономическом форуме во Владивостоке в сентябре прошлого года, Президент России поддержал идею создания так называемого *энергетического суперкольца*, которое должно объединить энергосистемы России, Южной Кореи и Китая. Этот проект, безусловно, должен быть реализован с учетом форми-

рования единого энергетического пространства в Евразийском экономическом союзе.

В общей сложности Евразийской экономической комиссией уже отобрано по согласованию со сторонами более четырёх десятков предложений, связанных с реализацией крупных инфраструктурных проектов, включая и Северный морской путь.

Нет сомнения в том, что дальнейшее расширение и углубление интеграционных процессов на Евразийском пространстве станет надёжной основой для устойчивого развития и благополучия стран – членов ЕАЭС.

II. Формирование единого рынка труда Евразийского экономического союза как условие успешности интеграционных процессов в ЕАЭС

Формирование единого рынка трудовых ресурсов в рамках Евразийского экономического союза – важнейшее условие успеха интеграционных процессов, мощный импульс создания условий для стабильного развития экономик государств – членов ЕАЭС в интересах повышения жизненного уровня, роста занятости и социальной стабильности евразийского интеграционного объединения.

Общий рынок труда Евразийского экономического союза представляет собой нечто качественно новое. Национальные рынки труда утрачивают свою обособленность, замкнутость, и интегрированный рынок трудовых ресурсов становится наднациональным образованием. В основе его формирования лежит мобильность граждан государств, вошедших в Евразийский экономический союз, обеспечиваемая инструментами согласованной миграционной и социальной политик, международно-правовыми основами регулирования рынка труда, которые ориентированы на соблюдение баланса экономических и социальных интересов стран интеграционного союза. После вступления в силу Договора о создании Евразийского экономического союза в ЕАЭС нормативная база в значительной мере была сформирована и гарантии свободы перемещения, предусмотренные Договором, обеспечены.

В понимании значимости для экономических изменений евразийского союза единого рынка трудовых ресурсов есть общественное согласие населения всех государств-членов. Если к решению своих правительств об объединении в Евразийский экономический союз положительно относятся менее половины населения в Армении, более половины населения в Беларуси, России, подавляющее большинство населения Казахстана, Кыргызстана, то к разрешению свободного передвижения граждан стран ЕАЭС внутри Союза – абсолютное большинство во всех странах. Отметим, что если в Беларуси, Кыргызстане «за» сравнительно чаще выступают более бес-

печенные группы населения, то в Казахстане, наоборот, – низкообеспеченные. В Армении и России эта поддержка не зависит от экономического положения населения. Здесь в каждой доходной группе проголосовало «за» семеро из десяти опрошенных [Интеграционный..., 2016].

Правовой статус, который получили представители стран – участниц союза, поддержал трудовую мобильность, изменил её структуру. Численность граждан государств – членов ЕАЭС, въехавших в Республику Беларусь для осуществления трудовой деятельности составила в 2016 г. – 2 947 человек, в 2015 г. – 3 332, в 2014 г. – 2 648¹; въехавших в Республику Казахстан в январе – августе 2016 г. – 12 963, в 2015 г. – 16 349². На общем фоне сокращения в России трудовой миграции³, обусловленной экономическими проблемами – «проседанием» экономики и инфляцией рубля, для осуществления трудовой деятельности по состоянию на декабрь 2015 г. в РФ въехало на 166 600 граждан из государств – членов ЕАЭС больше, а общее число вновь въехавших трудовых мигрантов, по данным Евразийской экономической комиссии, составило 835 600 человек [Трудовая миграция..., 2016: 38]

Одним из показателей реального положения в обеспечении свободы движения рабочей силы в союзе является показатель миграционного прироста, связанного как с переездом на постоянное место жительства, так и трудовой миграции за счет мигрантов из всех государств – членов ЕАЭС. Как показал анализ, такой прирост имеет только Россия.

Это привело к росту общего числа иностранцев из государств – членов ЕАЭС, находящихся в России по сравнению с январем 2014 г. на 16 %, Их число по состоянию на январь 2016 г. составило 2 276 188 человек⁴.

¹ Сведения о численности трудящихся – мигрантов, въехавших в Республику Беларусь из государств – членов Евразийского экономического союза в январе – декабре 2014, 2015, 2016 гг. // <http://mvd.gov.by/ru/main.aspx?guid=16721>. Дата обращения: 17 января 2017 г.

² В 2016 г. большинство трудовых мигрантов из Казахстана уезжали в Китай // Власть. – 2016. – 20 сентября // <https://vlast.kz/novosti/19354-v-2016-godu-bolsinstvo-trudovoyh-migrantov-iz-kazahstana-uezzalo-v-kitaj.html/>. Дата обращения: 27 февраля 2017 г.

³ Миграционный прирост в России за счет мигрантов из Республик Армения, Беларусь, Казахстан и Кыргызстан в 2015 г. составил 70 144 человека, что меньше, нежели в 2014 г. в 1,2 раза. См. Численность и миграция населения Российской Федерации в 2014 г.: Стат. бюллетень. – М., 2015; Численность и миграция населения Российской Федерации в 2015 г.: Стат. бюллетень. – М., 2016.

⁴ Статистика ФМС // http://www.fms.gov.ru/fms/activity/stats/Statistics/Svedeniya_v_otnoshenii_inostrannih_grazh. Дата обращения: 17 января 2017 г.

Как видим, российский рынок труда стал главным рынком трудовых ресурсов в ЕАЭС. Отмечается изменение и структуры трудовой миграции на российском рынке труда. Оно характеризуется замещением трудовых мигрантов из стран, не вошедших в ЕАЭС, трудовыми мигрантами из государств – членов ЕАЭС. Сокращение числа выходцев из стран – доноров рабочей силы в 2015 г. затронуло все постсоветские государства, кроме Армении и Кыргызстана, присоединившихся в этом году к ЕАЭС и почти не затронуло Казахстан. А статистика денежных переводов в 2014–2015 гг. (денежные переводы в долларовом исчислении из России в Казахстан выросли на 24 %, в Кыргызстан – на 15 %, практически сохранились те же значения денежных переводов в Армению, уменьшившись лишь на 1,1 %) дает основания утверждать, что в условиях текущего экономического спада членство в ЕАЭС оказалось оптимальной стратегией для стран – доноров рабочей силы⁵.

Главными проблемами формирования единого рынка труда являются:

- незавершенность разработки нормативно-правовой базы;
- непоследовательная реализация уже принятых нормативно-правовых документов;
- отсутствие необходимой миграционной инфраструктуры (единой базы данных предприятий, специальностей, в которых нуждаются страны);
- отсутствие единых баз данных различных органов исполнительной власти стран – членов ЕАЭС (налоговых органов, миграционных, социальных служб).
- не проработанность общей системы образования, профессиональной и языковой подготовки.
- психологические барьеры в принимающем обществе – ксенофобия и мигрантофобия.

Проявление этих проблем мы видели в ходе опроса мигрантов из стран ЕАЭС в Москве. Наши исследования показывают, что главными трудностями для них были поиск работы и жилья. Практически каждый третий-четвертый из десяти опрошенных мигрантов из государств – членов ЕАЭС во время своего пребывания в Москве ощущал дискомфорт, сталкивался с дискриминацией по национальному или этническому признаку. При этом неприятие населения принимающего общества тем выражено тем сильнее, чем

⁵ Трудовая миграция в ЕАЭС на начало 2016 г.: Доклад ЕАК // <http://evrazklub.ru/analitik/trudovaya-migratsiya-v-eaes-na-nachalo-2016-goda-doklad-eak.html>. Дата обращения: 22 января 2017 г.

дальше культурная дистанция и чаще это были мигранты из Казахстана и Кыргызстана.

И так ситуация складывается не только в России. В своем интервью мигрантка из Казахстана (Зарина, 32 г., приехала из Алма-Аты) сказала: «Я сталкивалась в России с дискриминацией. Но могу сказать, что в Казахстане так же обстоят дела по отношению казахстанцев к русским».

Хотя здесь следует отметить и другую сторону вопроса. При всей общности исторических корней население стран – членов ЕАЭС обладает значительными особенностями в культуре, повседневных практиках, менталитете. Перемещение мигрантов в пределах нового интеграционного сообщества связано с преодолением ими состояния культурного шока, восстановлением разрушенных, устойчивых, бессознательных сценариев поведения и реагирования, формированием новой идентичности, приемлемой как для них, так и для принимающего общества. И поведение их не всегда соответствует ожиданиям и правилам принимающего общества. Не всегда присутствует готовность жить по правилам принимающего общества.

Преодоление вышперечисленных проблем связано, прежде всего, с повышением эффективности управления процессами евразийской интеграции.

Необходимо максимально быстро завершить разработку нормативно-правовой базы ЕАЭС в сфере пенсионного обеспечения трудящихся государств-членов, сближения законодательств государств-членов в сфере трудовой миграции. Обеспечить реализацию достигнутых договоренностей по единым условиям налогообложения доходов физических лиц – граждан государств-членов с первых дней работы по найму. Разработать механизмы соблюдения принятых норм.

Всем странам – членам ЕАЭС предстоит развивать инфраструктуру, необходимые для функционирования единого рынка труда, механизмы саморегулирования в области свободы передвижения рабочей силы.

Наряду с экономическими задачами свободного перемещения рабочей силы, важно также включить в стратегию развития ЕАЭС решение социальных и социокультурных задач.

Социальная политика каждой из стран в рамках евразийских компетенций должна активно и динамично отреагировать на новые условия движения рабочей силы, изменения трудовых отношений, что предполагает эффективное использование труда, выработку механизмов использования рабочей силы, знаний, квалификации и способностей в трудовом процессе.

Необходимо создавать социально-экономические и культурные условия для адаптации приезжих, формировать позитивное мнение вокруг идеи свободного движения рабочей силы, этнокомплементарные отношения, толерантность в отношениях различных групп населения, не допустить межэтнических конфликтов.

Нужна единая для всех стран программа медийной поддержки проекта, которая может включать информацию о преимуществах свободы движения рабочей силы, позитивную информацию о соседях по Союзу на основе использования современных методов и инструментов информационного продвижения идей: социальных сетей, экспертного сообщества, образования и т. п. ЕАЭС нуждается в поддержке СМИ, научно-экспертного сообщества.

Учитывая новые возможности движения рабочей силы в ЕАЭС, важно в рамках социальной политики развивать общую систему образования, профессиональной подготовки кадров и общие механизмы подготовки людей для единого рынка труда, провести дополнительные мероприятия с целью улучшения знания языка, необходимо усилить внимание к билингвальной языковой подготовке.

Нужно заботиться о социальной базе интеграции, работать над обновлением и консолидацией элит, их ориентацией на идеи евразийской интеграции, особенно в молодежной среде, где поддержка этой идеи ниже, нежели в старших группах населения стран – членов ЕАЭС. С них начинается понимание, что без социального взаимодействия стран углубление интеграции будет идти более сложно.

Практика показывает, что функциональное, институциональное, инфраструктурное развитие любого интеграционного объединения требует поэтапного усиления наднациональности. Очевидно, что сегодня для решения задач обеспечения свободного движения рабочей силы в ЕАЭС состав евразийских институтов недостаточен. Необходимы внесение изменений в структуру наднационального органа, с учетом социальных и гуманитарных аспектов взаимодействия; передача ЕЭК полномочий по инициированию и принятию решений, полноценное бюджетное планирование всесторонней деятельности наднационального органа.

Являясь важнейшим фактором интеграции, свободное перемещение рабочей силы из-за открытости границ ЕАЭС создает риски чрезмерного притока в страны криминальных и экстремистских элементов под видом рабочей силы, распространения трансграничных криминальных и террористических сетей, приводит к появлению новых нетрадиционных угроз безопасности для граждан стран – членов Союза. В этой связи приобретают особую значимость совместные действия по охране границ ЕАЭС, согласование пограничной политики и правовой базы ЕАЭС.

Использованная литература:

1. Интеграционный барометр ЕАБР – 2015 (четвертая волна измерений): Доклад № 33 Центра интеграционных исследований. – СПб.: ЦИИ ЕАБР, 2015.
2. Трудовая миграция и социальное обеспечение трудящихся в Евразийском экономическом союзе. – ЕЭК, 2016.

III. Место и роль методологии в исследовании и реализации процессов евразийской интеграции

В своём выступлении мне хотелось бы акцентировать внимание участников нашего международного «круглого стола» на актуальной проблеме исследования необходимого перехода в современный период от старых к новым способам (*методологии*) мышления и деятельности с целью утверждения новой социальной реальности в целом и осуществления процессов евразийской интеграции в частности. *Научная же методология* при этом является, как известно, одним из основных, но и одновременно самых «слабых звеньев» евразийской проблематики и требует активного обсуждения.

Мы разделяем точку зрения о том, что одна из главных причин непонимания социальных процессов – это несостоятельность общественной науки как источника *объективного знания*, а поиск причин, изучение *методологической платформы*, на которой возникло и развивалось наше обществоведение, показывает, что в познавательной системе (*когнитивной структуре*) *здесь преобладали (и преобладают поныне)* не научные методы, а идеологические и этические подходы⁶.

Важно также отметить, что в условиях новой социальной реальности потенциал социального знания и действия должен использоваться не только как *средство управления* вещественными, энергетическими и информационными ресурсами, но и как возможность и способность овладения своими собственными социальными силами. Всё это требует разрешения противоречий между уже имеющимися огромными технологическими средствами социально-политического управления и его недостаточно разработанной **методологической базой**.

Таким образом, именно *достоверное социальное знание* превратилось в важнейший резерв и ресурс современных позитивных общественных изменений, эффективной и конструктивной политики.

⁶ См. Кара-Мурза С. Г. Российское обществоведение: становление, методология, кризис. – М., 2016. – С. 4.

Отличие нового способа мышления и деятельности от старого и состоит, прежде всего, в принципиальной ориентации на сбережение и повышение уровня **социальной составляющей** изменения общественных систем. Именно такой подход соответствует и самой природе общественных систем, и современным тенденциям их преобразований.

В свете сказанного выше, первостепенным является вопрос о том, а в *каком мире мы сегодня живём*, что происходит с ним, если брать его не по каким-то **частям**, а в **целом**? Ответ на этот вопрос требует применения *системного подхода*, который гласит: основные проблемы и противоречия данной социальной системы или данного процесса её изменения *принципиально неразрешимы*, если оставаться в рамках только системы или данного процесса, не выходя за их границы, не меняя способа движения. Значит надо идти в иную, более широкую и **целостную систему**, меняя методы мышления и действия!

Как справедливо отмечал представитель французской школы «Анналы» – общепризнанный лидер этого историографического направления в науке и один из крупнейших историков современности Фернан Бродель, «всё должно быть взято, переосмыслено и помещено в более широкие *рамки истории*, чтобы мы, наконец, при всех её парадоксах и противоречиях – смогли увидеть *единство исторического процесса*, которое есть не что иное, как **единство жизни**»⁷.

Многотысячелетняя история человечества – это чрезвычайно сложная и трудная, жертвенная и жестокая история противоборства *жизнеутверждающих объединительных и губительных процессов социального разделения и раскола*.

Максимизация интеграции в современном обществе на основе глобального процесса информатизации создаёт иное (виртуальное) пространство и время, а в итоге «информационное общество», которое является «сетевым обществом».

Однако глобальная интеграция в современном мире сталкивается с углублением и *процессов индивидуализации*, с «триумфом индивидуального» (Дж. Нейсбитт) в эпоху глобализации, а в крайних своих формах – *индивидуализма*, с возникновением так называемой «новой самобытности», а его «турбулентная эволюция» создаёт феномен **негативной интеграции** как альтернативу позитивным интеграционным процессам. Осуществляется, следовательно, не только *включение*, но и *исключение* людей из процессов социальных изменений. Налицо острейшие противоречия между объективными и субъективными, реальными и виртуальными, естественными и ис-

⁷ Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм. XVIII в. – М., 1988. – Т. I–II.

кусственными, традиционными, модернистскими и постмодернистскими отношениями. Всё это и многое другое – признаки предвосхищения и реализации *социально-гуманитарных катастроф* на основе утверждения в человеческом мире **антикультуры**, которой противостоит в нём **культура единства жизни**.

Социально-культурное единство жизни как категория представляет собой объяснительный принцип социальной реальности, предусматривающий оценку всех социальных явлений через призму и критерий их **соответствия** культуре, её воздействия на развитие человеческой жизни **в целом**, а значит на жизнь общества, народа и нации, социальных групп и отдельных людей.

Культурное соответствие, следовательно, – весьма и принципиально значимое для процессов социальной интеграции отношение, включая, разумеется, и евразийскую интеграцию. Им во многом определяется возможность сплочения на современном этапе цивилизационного развития различных социальных сил, объединения наций и народов, укрепления существующих и создания новых союзов и государств. Культура как **целое** пронизывает все без исключения сферы социальной жизни, и нет ни одного социального феномена, который не нёс бы в себе последствий её воздействия. Без изменений в культуре невозможны никакие социальные изменения, поскольку в обществе как целостном социальном организме культура выступает аналогом генетических кодов – **социокодом**, реализующимся в особой знаковой форме.

Какой **жизненный смысл** несёт в себе та или иная культура, таков и характер социальных изменений. В современных условиях глубинная связь между состоянием общества, состоянием культуры и проблемами человеческого развития очевидна. Вот почему одними из наиболее адекватных и перспективных подходов из методологического арсенала современной социологии и социально-политического знания, преодолевающих свою «методологическую недостаточность», выступают *социокультурный подход, методология «интегрализма», модели интегральной культуры и интегрального общества*, обоснованные ещё в своё время выдающимся российско-американским учёным П. А. Сорокиным.

Человечество живёт и действует, – сделал вывод он из своих исследований, – в один из поворотных моментов своей истории, когда одна форма культуры и общества (*чувственная*) уходит, а другая форма (*интегральная*) лишь появляется. Каковы же основные плоды кризиса ныне пока ещё господствующей в современном мире культуры? Её главным плодом, по П. А. Сорокину, является беспрецедентное развитие естественных наук и технологических изобретений. Самый же ядовитый её плод – пагубное сокращение сфер

подлинной реальности и истинной ценности, что ведёт к деградации самого человека. Отсюда следует и рост механического материализма, гедонизма, примитивного эмпиризма, поверхностного позитивизма и вульгарного утилитаризма. Получается так, что человечество вырождается на основе своих же баснословных достижений⁸.

В XXI в., в котором мы уже живём, мировое сообщество, находясь в трагическом переходном состоянии, тем не менее становится способным предвидеть грозящие ему социальные катастрофы и разрешать многообразные конфликты. Оно уже располагает реальными возможностями превращения сегодняшних опасностей и угроз в источники завтрашнего прогресса человечества, но погружено в углубление кризиса старых форм мышления и действия.

Методологические просчёты старых способов мышления и действия состоят в том, во-первых, что они утверждают право одних (немногих) осуществлять свою жизнь за счёт других (большинства), и для этого они устанавливают способы и средства подчинения, угнетения, манипулирования одними (немногими) жизнью других (большинства). Кроме того, они отнимают способность у каждого индивида изменить свою жизнь к лучшему.

Во-вторых, ещё в начале 80-х гг. XX столетия специалистами так называемого *«рефлексивного управления»*, т. е. *управления нового типа*, было доказано, что могут существовать культуры двух типов: *в культурах первого типа* благополучие и достоинство людей возрастают, когда они устанавливают отношения компромисса, неравнодушия, взаимопомощи и оказываются правыми, когда не закрывают глаза на происходящее, а стараются изменить окружающую действительность – ближнюю и дальнюю – к лучшему. В силу таких особенностей в культурах первого типа как бы сама собой возникает *методология саморазрешения конфликтов и стремления к сотрудничеству и интеграции*. В культурах же второго типа, основанных на принципах бескомпромиссности, принуждения, угнетения или принципе «моя хата (вилла) с краю, ничего не знаю» эта методология не работает ни в пределах отдельно взятой страны, ни в общемировом масштабе, ни в условиях необходимости интеграции. Поэтому центральной проблемой утверждения и познания процессов новой социальной реальности и методологии, технологии социально-политического реформирования на современном этапе стала проблема **интегральности, целостности** общественного развития. В противоположности одностороннего, «частичного», *частного* и многомерного, общего, целостного (по-евразийски – *соборного*) подходов состоит водораздел между старым и новым способами мышления и

⁸ См. Встречи с Питиримом Сорокиным. – М., 2003. – С. 325–326.

действия, старой и новой политикой социального взаимодействия и социального управления. Именно данный критерий позволяет адекватно оценивать как успехи, так и неудачи в реализации процессов евразийской интеграции.

Нет сомнения, что определённые сдвиги и достижения налицо, и о них говорил академик Г. В. Осипов в своём вступительном слове. Однако необходимо признать, что в целом за минувшие с момента обретения независимости годы не удалось постсоветским странам построить прочный социально-экономический фундамент будущего развития. Реальные достижения оказались далеки от того, на что рассчитывали. В начале 2010-х гг. был исчерпан потенциал развития по сырьевой модели. Переход же к развитию по инновационной модели оказался затруднён из-за дефицита капиталов, технологий и рынка. Сильно выросли различия между странами по доходам населения. Одновременно в каждой из них усилилось социальное неравенство, сократился социальный капитал. Рост бедности приобрёл хронический характер. У ряда стран (Армении, Грузии, Молдовы и Украины) валовой внешний долг в 2015 г. превышал критический порог в 60 % к ВВП⁹.

Хорошо известна такая истина, которая гласит: если дорога не ведёт к храму, то либо это не храм, либо не та дорога. В соответствии с этой истиной любая политика определяется тем, что является её **целью и средствами**, в своём единстве представляющие определённую **модель** развития общества. И такая модель современной социальной наукой, по нашему мнению, найдена.

Речь идёт о модели формирования **нового** интегрального общества, истоки которой, как уже говорилось выше, мы находим в трудах П. А. Сорокина. В настоящее время у нас и за рубежом эта модель весьма активно обсуждается, и примером может служить научная дискуссия, которая состоялась 8 июня 2016 г. на Всероссийском экономическом форуме на тему, посвящённую особенно важной на современном этапе проблеме – выбору новой модели развития. В рамках дискуссии состоялась презентация книги «Новое интегральное общество: общетеоретические аспекты и мировая практика», авторами которой являются видные учёные страны.

Понятно, что сегодня существуют различные определения самой сути интегрального общества. Однако очевидно, что евразийской интеграции в его формировании принадлежит особое место. Если, конечно, в пути не будет потерян или искажён **сам смысл евразийства**, который выражают такие **понятия**, как «месторазвитие»,

⁹ См. Вардомский Л. Постсоветский интеграционный проект: что хотели и что получили // Мир перемен. – 2016. – №3. – С. 12-13.

«общее дело», «соборный субъект», «идея-правительница», идеократия, «правлящий отбор», «симфоническая личность» и др.

В заключение отметим, что строительство интегрального общества на основе реализации процессов евразийской интеграции требует организации интенсивного поиска и обоснования новых парадигм, концептуальных подходов и моделей трансформации государственного управления, а также осуществления *принципа реальной приоритетности* развития и взаимодействия *систем науки, образования и культуры в целом*. Любое, даже небольшое отставание в человеческом развитии или локальное неадекватное воздействие на человеческий мир могут породить (и уже порождают ныне!) своеобразный **тектонический эффект**, т. е. вызвать глобальные, чрезвычайно опасные или даже катастрофические последствия. Поэтому наука, образование и культура должны ориентировать общество на продуктивное изменение жизни всех, а не на простое выживание в одиночку одних или одних за счет других.

Таким образом, «общее дело» состоит вовсе не в том, чтобы прекратить борьбу за жизненно важные ресурсы и конкуренцию за лучшие позиции, положение в мире. Это было бы нереально, даже реакционно. Проблема состоит в том, чтобы неодолимое стремление народов и государств «больше иметь» и «быть современными», не угрожало основам природного и общественного равновесия и не перекрывало пути к самореализации другим народам, чтобы перемена строя жизни не вредила самой жизни, а решение национальных задач, проблем одних цивилизаций не подрывало сил мирового сообщества в целом.

IV. Драйверы и риски евразийской интеграции: взгляд экспертов

Мировое сообщество стоит на пороге трансформации от парадигмы однополярного мира к многополярному. Становление, функционирование и развитие крупных интеграционных структур представляют собой одну из существенных тенденций преобразования современного мира. В своей основе интеграция способствует освоению новых территориальных рынков, повышению устойчивости национальных экономик, созданию предприятий на новых территориях, а также объединению поставщиков, потребителей, производство, сбыт продукции.

Следовательно, возрастает необходимость в создании прочных межгосударственных объединений, необходимых для ведения эффективной внешней политики, нацеленной на расширение зон влияния, на сохранение возможности отстаивания своих позиций, на противостояние угрозам глобального и регионального характера как в экономических, так и в социально-политических контекстах.

Перспективы развития и риски по созданию интеграционных объединений уже долгое время являются предметом широких дискуссий среди экспертов и политиков.

Стоит обратить внимание, что расширение сферы территориального влияния Европейского союза (ЕС), границ НАТО, а также формирование Организации Договора по безопасности и сотрудничеству (ОДКБ), Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) дало странам постсоветского пространства понимание необходимости нового, более эффективного механизма интеграции за счет создания негосударственных структур, которая ранее рассматривалась лишь на двухстороннем уровне экономического и военно-политического сотрудничества [1].

Очередной этап экспансии Запада привел к позиционным геополитическим изменениям России и к созданию евразийского барьера между евроатлантическими структурами и примыкающими к ним государствами и Россией с ее союзниками по Союзному государству, ЕАЭС, ОДКБ.

Важнейшими аспектами в кризисных явлениях выступают экономический и экономико-позиционный, которые тесно связаны со

структурой, мирохозяйственной специализации ведущих постсоветских государств, сложившейся после 1991 г. Геокультурные, геоэкономические смещения в юго-восточном направлении характерны в первую очередь для географии российской внешней торговли: если в 2008 г. доля стран ЕС во внешнеторговом обороте РФ достигала 53,7 %, а в 2009 г. – 51,0 %, то в 2014 г. – 49,5 %, в 2015 г. – 45,7 %, 2016 г. – 41,7 %; удельный вес Китая на этом фоне, напротив, стабильно растёт: с 7,8 % в 2008 г. до 11,6 % в 2015 г. и 14,3 % в январе 2016 г. [3].

В евразийскую экономическую интеграцию, в первую очередь, вкладывается повышение политической и экономической безопасности каждого ее члена. Безопасность является важнейшим направлением деятельности. Развивающиеся процессы глобализации и регионализации выдвигают новые, ранее неизвестные вызовы, угрозы и риски. Нарушения безопасности грозят не только снижением уровня доходов, уровня жизни населения, производства и инновационного развития, но и нарушениями территориальной целостности, суверенитета государств.

Убытки в части нарушения экономической безопасности могут возникнуть в результате [5]:

- экспансии экспорта третьих стран и снижение уровня сбыта на отечественном рынке;
- потерь государственного бюджета в связи с возрастанием коррупционной деятельности;
- потерь и захвата отечественных активов предпринимателями и ТНК недружественных стран;
- потери специалистов и квалифицированных кадров и т. д.

С целью получения экономических преференций важной составляющей для России является усиление взаимоотношений посредством политического эффекта от евразийской экономической интеграции с ЕС, США, крупными азиатскими странами на базе ЕАЭС, которые имеют общее экономическое пространство с выходом на границы ЕС и Азиатско-Тихоокеанского региона.

Вследствие увеличения рисков в процессе глобализации основным политическим эффектом будет выступать создание нового центра региональной интеграции, призванного снизить риски нарушения безопасности. Реализация данной цели подразумевает налаживание тесных контактов с интеллектуальной элитой членов союза, в том числе русскоязычной ее части [6]. Подобное сотрудничество позволит сформировать и развивать идеологию, инновационную, инвестиционную деятельность нового центра, что возможно только в условиях сохранения культурной евразийской самобытности, идейного суверенитета и минимизации «утечки мозгов».

В рамках экспертного опроса, проведенного Экспертно-аналитическим центром РАНХиГС¹⁰, были выявлены возможные риски евразийской интеграции (см. рис. 1).

Рисунок 1

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в чем заключаются основные риски евразийской интеграции в ближайшие годы?», в % от числа опрошенных (множественный выбор)

¹⁰ В опросе приняли участие 46 экспертов. В качестве экспертов выступили руководители, научные специалисты и представители органов государственной власти, научно-исследовательских организаций, представители бизнеса и общественных организаций. Требования к экспертам: рекомендация от других экспертов, наличие опыта работы в сфере проблематики исследования не менее пяти лет, наличие прикладного опыта по теме исследования или научные работы (публикации, монографии, статьи и др.), участие в научных конференциях/семинарах/форумах, участие в заседаниях и совещаниях, проводимых органами власти. В качестве инструмента сбора мнений применялась онлайн-анкетирование через сеть Интернет. Отбор экспертов для участия в опросе проводился методом «снежного кома» – только по рекомендациям «проверенных» экспертов и руководителей на каждого интервьюируемого эксперта. Контроль качества данных обеспечивался за счет ряда дополнительных мероприятий, также включал в себя следующее: контролировалось повторное заполнение анкет с одного компьютера, из анализа исключались анкеты, заполненные слишком быстро (контроль времени заполнения), контролировались ответы по «проверочным» вопросам, а также осуществлялась индивидуальная проверка каждой анкеты на предмет «подозрительных» ответов на открытые вопросы. Для возможности осуществления проверки и контроля качества сбора информации также проводился оперативный выборочный телефонный опрос экспертов с целью проверки факта участия в экспертном онлайн-опросе (при этом само заполнение анкеты происходило анонимно).

На первом месте среди возможных рисков стоит «противодействие мировых держав» (76 %). 63 % экспертов считают коррупцию возможным риском евразийской интеграции в ближайшие годы. Третье место (57 %) занимает «политическая нестабильность в ряде регионов». Половина экспертов считает, что угрозу ЕАЭС в ближайшем будущем может нанести сильная дифференциация уровня жизни. Еще одним риском выступает «противодействие национальных элит». Оно было отмечено 46 % экспертов. Отсутствие политической воли у некоторых стран-участников так же рассматривается в качестве возможной угрозы, и с этим согласны 41 % респондентов. Несовместимость интересов стран и несогласованность их действий набрали по 39 %. Значительное количество экспертов (37 %) рассматривают недоверие между странами-участниками как основной риск интеграции в ближайшие годы. Помимо этого были выделены такие риски, как «низкое качество транспортного сообщения» (28 %); «непроработанная, несгармонизированная нормативно-правовая база» (28 %); по 24 % получили варианты – «различный менталитет стран» и «низкий уровень социально-экономического развития участников и потенциальных участников ЕАЭС».

Следует обратить внимание, что наиболее актуальные риски не уступают своих позиций из года в год. Так, при сравнительном анализе результатов экспертных опросов за 2015 и 2016 гг., проведенных Экспертно-аналитическим центром, можно заметить, что по сравнению с прошлым годом альтернатива «противодействие мировых держав» на 19 % увеличила свои позиции, на втором месте по прежнему располагается проблема коррупции (+15 %); третье место занимает проблема политической нестабильности регионов, увеличившая свои позиции так же на 15 % (см. рис. 2).

В рамках исследования был также рассмотрен вопрос касательно драйверов развития евразийской интеграции в ближайшие годы. Драйверы евразийской интеграции представляют собой общественные, экономические, политические и военные поводы, влияющие на стремления глав стран использовать имеющиеся культурные, инфраструктурные, международные и другие ресурсы для объединения усилий в выбранном направлении.

Так, большинство экспертов (32 %) сошлись во мнении, что развитие экономических и прочих отношений, интеграция в международной торговле – являются ключевой точкой роста. Развитие экономики и других отраслей – 22 % респондентов отметили как возможные драйверы развития евразийской интеграции. Как одни из приоритетных направлений развития, по мнению респондентов, также отмечены: международный терроризм – 18 %; активизация военного потенциала стран и возможность локальных конфликтов – 10 %.

Равное распределение получили варианты: снижение военной напряженности (4 %) и урегулирование миграционных процессов (4 %) (см. рис. 3).

Рисунок 2

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в чем заключаются основные риски евразийской интеграции в ближайшие годы?», в % от числа опрошенных за 2015–2016 гг.

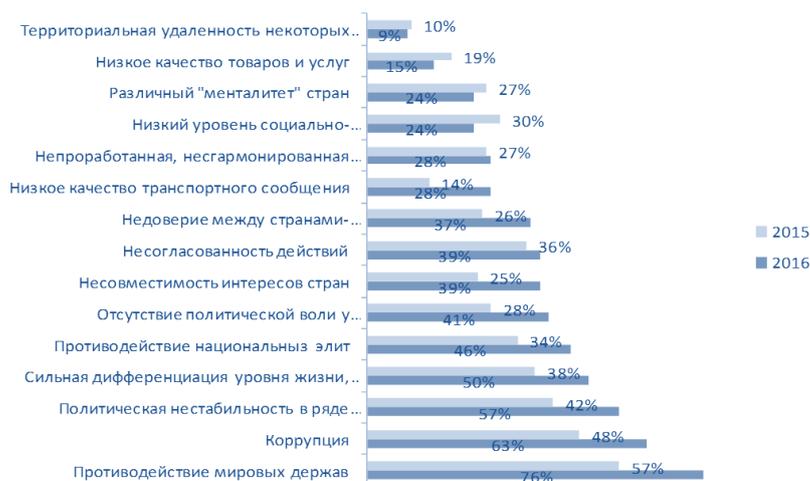
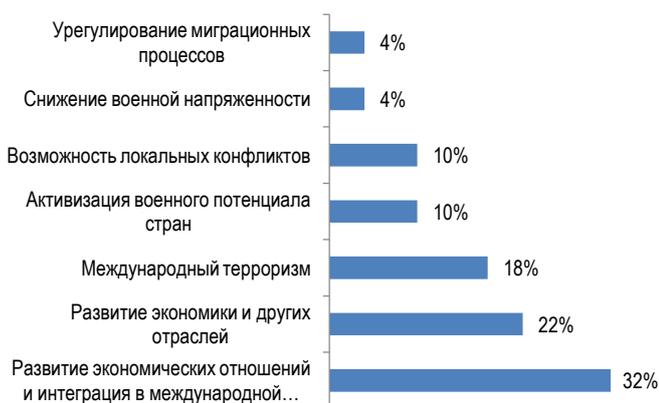

Рисунок 3

Распределение ответов на вопрос: «Как вы считаете, в чем заключаются основные драйверы развития евразийской интеграции в ближайшие годы?» (открытый вопрос)

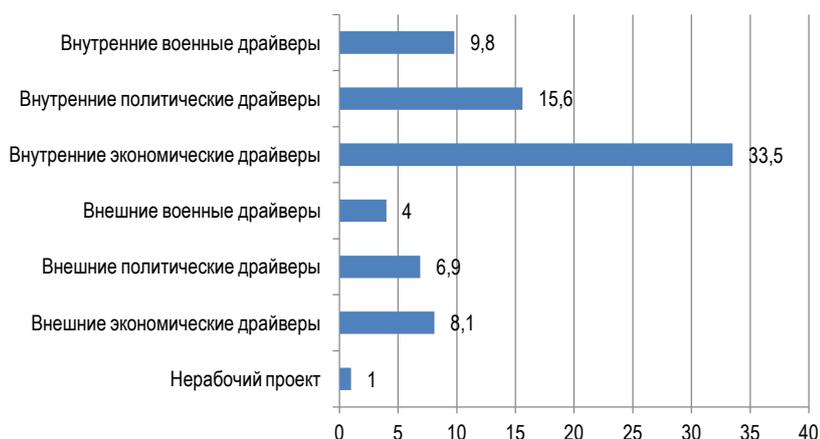

В настоящее время страны ЕАЭС ведут поиск эффективной модели интеграции. Ее успех во многом зависит от действий заинтересованных стран в экономическом и политическом объединении. С данным фактом согласны 54 % экспертов, отнесших к драйверам развития интеграции – развитие экономики, экономических отношений и интеграцию в международной торговле.

Для сравнительного анализа интересно посмотреть на результаты экспертного опроса, проведенного в 2015 г. Тогда эксперты разделили драйверы развития евразийской интеграции на внутренние и внешние. К внутренним были отнесены: экономические; политические; военные. Внешние также были поделены на три категории (см. рис. 4).

Рисунок 4

Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, в чем заключаются основные драйверы развития евразийской интеграции в ближайшие годы?», в % от числа опрошенных, открытый вопрос, 2015 г.

Как и в 2015 г., в 2016 г. в большинстве случаев эксперты отдают предпочтение внутренним драйверам, среди которых особое внимание уделено экономическим причинам, основные из которых:

- 1) формирование и развитие общего экономического пространства (новые рынки, синхронизация финансово-экономической политики, общая валюта, потоки инвестиций, развитие Таможенного Союза, свободная миграция и туризм);
- 2) развитие инфраструктуры (промышленность, дорожные линии);

- 3) развитие энергетического пространства (добыча, перераспределение, транспортировка полезных ископаемых);
- 4) разработка общих стандартов качества продукции;
- 5) региональная интеграция.

Стоит обратить внимание, что, по данным ВЦИОМ, 70 % граждан России поддерживают российские интеграционные условия по созданию ЕАЭС, при этом они хотели бы видеть в качестве его членов Армению (45 %), Азербайджан (23 %), Кыргызстан (20 %), Молдову (20 %), Узбекистан (17 %), Таджикистан и Грузию (14 %) ¹¹.

Однако существуют объективные внутренние экономические факторы, препятствующие развитию региональной экономической интеграции в формате ЕАЭС:

- 1) высокий уровень дифференциации показателей экономического развития и уровня жизни, которые ярко выражены в различных показателях ВВП на душу населения;
- 2) разнородность показателей развития национальных рынков;
- 3) обострение конкуренции стран в экономическом союзе за счет относительного однообразия структуры производства и экспорта товаров;
- 4) наличие выстроенных, проверенных партнерских связей крупными игроками национального рынка с другими компаниями.

Существующие проблемы необходимо рассматривать в рамках комплексного подхода, уделяя особое внимание управленческим механизмам и инструментам, что позволит сформировать целостное представление о складывающейся ситуации, а также единую концепцию формирования и развития ЕАЭС. На сегодняшний день для решения внутриэкономических проблем РФ ключевыми факторами должны выступать государственная поддержка, стимулирование и сотрудничество с бизнес-структурами.

Успешное преодоление рисков и акцент на стимулах и перспективных точках роста позволяет России активно развивать экономику, а участие в ЕАЭС дает возможность Российской Федерации стать экономически менее зависимой от стран Запада.

Использованная литература:

1. *Бородачев Т. В.* Новое евразийство: как сделать сопряжение работающим // Россия в глобальной политике. – 2015. – № 5. – С. 3–12.
2. *Дружинин А. Г.* Евразийские векторы геостратегии России в «зеркале» внешнейторговой статистики // Социально-экономическая география. Вест-

¹¹ По данным ВЦИОМа, 70% россиян положительно относятся к созданию ЕАЭС // <http://eurasiancenter.ru/newsecc/20140703/1003570636.html>.

- ник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2015. – № 4. – С. 74–85.
3. *Дружинин А. Г.* Россия в современном евразийском пространстве: общественно-географические аспекты меняющегося позиционирования // Социально-экономическая география. Вестник Ассоциации российских географов-обществоведов. – 2016. – №5. – С. 38–50.
 4. *Каричковский Р. В.* Приоритетные направления и актуальные вопросы углубления взаимодействия в рамках ЕЭС // Евразийский научный журнал. – 2016. – №4. – С. 186–191.
 5. *Саулин А. Д.* Политические эффекты и риски евразийской экономической интеграции // Евразийская экономическая перспектива. – 2016. – С. 98–105.
 6. *Гурова И. П.* О многомерной модели евразийской экономической интеграции // Пространственная экономика. – 2016. – №1. – С. 14–29.

V. Проблемы евразийской интеграции в пространстве европейской гравитации

Глубокоуважаемые коллеги, хочу сердечно приветствовать научно-экспертное сообщество в лице участников «круглого стола», организованного по инициативе Российской академии социальных наук. А также хочу поблагодарить Институт социально-политических исследований РАН (ФГБУН ИСПИ РАН) во главе с его директором, академиком Г. В. Осиповым, за организацию этой Интернет-конференции по проблемам евразийской интеграции. Следует отметить, что именно российские ученые, социологи и политологи, непосредственно после распада Советского Союза подняли вопрос о необходимости новой евразийской интеграции. В перспективе речь шла о создании Евразийской конфедерации на следующих основополагающих принципах:

- 1) общее экономическое пространство;
- 2) единая система охраны границ;
- 3) единая таможенная служба;
- 4) свободная конвертация национальных валют, создание единой валюты;
- 5) интегрирование информационных, транспортных, энергетических сетей и кооперация социально-культурных и научных связей.

Полностью соглашусь с замечаниями коллег о том, что долгие годы дискуссии по евразийской интеграции велись и ведутся преимущественно в прагматичном экономическом ключе, между тем ее социально-политическая компонента была просто отодвинута в сторону.

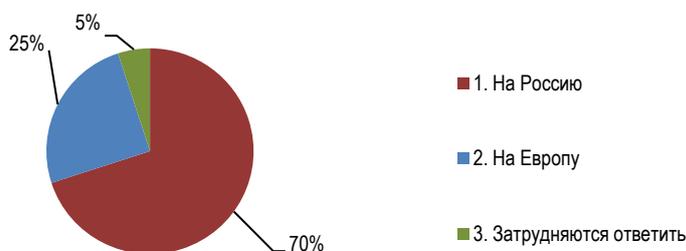
Мы вполне понимаем, что это было сделано сознательно, для того чтобы не поднимать сразу щепетильных и весьма чувствительных вопросов гуманитарной сферы. Они были оставлены на потом, на будущее, где-то на после 2025 г. Однако события происходящие сегодня в мире, в США, в Европе, на Ближнем Востоке передвигают это будущее на сегодня. Завтра – это уже сегодня.

Именно поэтому, на наш взгляд, надо быстро форсировать события и пересмотреть планы экономической интеграции в ускоренном

режиме. То, что планировалось реализовать, не торопясь, к 2020–2024 гг., необходимо сделать уже сегодня. В ЕАЭС уже включены пять государств. Необходимо возродить межгосударственную ассамблею и подумать о создании общего парламента. В перспективе – углубление социально-гуманитарного сотрудничества, обеспечение равенства прав среди граждан стран Евразийского союза. Население наших стран, как правило, выступает за интеграцию, о чем свидетельствуют наши многочисленные социологические исследования, проведенные в Армении (см. рис. 1)

Рисунок 1

Ориентация армянского населения на Россию и Европу

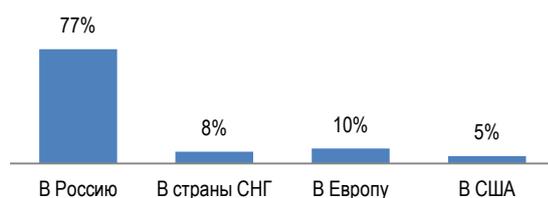
Приоритеты, на которых предлагают сосредоточиться эксперты на будущее – это проблемы безопасности, охраны границ, защита от международного терроризма и продвижение русского языка и российской культуры.

Дело в том, что страны, участвующие в евразийской интеграции между собой общаются не напрямую, а через Россию. Россия – это, безусловно, локомотив интеграции и центр притяжения евразийского сообщества. Не случайно все миграционные потоки внутри СНГ всегда были устремлены именно в Россию (см. рис. 2)

Между тем Россия до последнего времени сама стремилась в Евросоюз. В общественном сознании россиян, в особенности российской молодежи, учеба в Европе являлась приоритетом. То же можно сказать и об армянской молодежи. Вообще, если старшее поколение армян и россиян (думаю также белорусов и казахов) было преимущественно ориентировано на Россию и сотрудничество в рамках бывшего Советского Союза, то современная молодежь в наших странах, можно сказать, полностью ориентирована на Европу.

Рисунок 2

Направленность миграционных потоков из Армении, 1995–2015 гг.

Более того, современная армянская молодежь, как показывают наши исследования, практически уже не владеет русским языком, не читает русскую и русскоязычную прессу и литературу, не смотрит российские ТВ-каналы. Интернет и всемирная паутина сделала свое дело – наша молодежь стала мыслить, чувствовать, говорить и даже мечтать по-английски.

Культурная победа Запада последовала вслед за технологической победой. Западная культура, кинофильмы, Интернет-игры, музыка и шоу-бизнес полностью поглотили умы и сердца молодого поколения наших стран, не знавших и не видевших пионерии и комсомола. Грандиозное сражение за умы и души нового поколения людей, родившихся в постсоветских странах, Запад выиграл. Молодежь, которая сегодня не отрывается от айфонов и часами проводит время в фейсбуке и Инстаграмме, завтра уже поздно будет ориентировать на традиционные ценности старшего поколения, их родителей и дедов. За четверть века Западу удалось окончательно разрушить то, что с трудом формировалось и строилось на протяжении долгих семидесяти лет в советской стране.

Народы наших стран отлично понимают, что ведущая роль в евразийской интеграции полностью принадлежит России. И именно поэтому они ожидают от России более решительных и последовательных действий в этом направлении. Люди должны видеть реальные результаты от такой интеграции. Медлительность и нерешительность России подрывает к ней доверие партнеров. Тем более, что в общественном сознании стран-партнеров, в частности Армении, нет совершенно консолидированной ориентации на евразийскую интеграцию. Она не сформирована хотя бы по той простой причине, что немалая часть населения ориентирована на ассоциацию с Евросоюзом. Наша политическая элита практикует многовекторную или комплементарную стратегию в международных отношениях. В дополнение к этому не стоит забывать, что любые шаги к интеграции

рассматриваются определенной частью нашего общества как потеря государственного суверенитета. В этом отношении Россия как главный инициатор и локомотив интеграции рискует одновременно быть воспринятой как своего рода угроза национальному государственному суверенитету.

Запад сильно преуспел в продвижении общечеловеческих ценностей ради целей глобализации на атлантический лад. Для этой цели он готов и идет на свержение «непослушных» и неудобных им режимов, в том числе и на постсоветском пространстве. Конечно, здесь они основываются, как правило, на антироссийской риторике. По отношению к России применяются экономические санкции как к какой-то провинившейся перед Западом стране. Это не может не настораживать партнеров по евразийскому союзу. Нашим гражданам, честно говоря, не очень понятно, как можно так просто наказывать мощнейшую державу и при этом самим оставаться безнаказанными.

Научно-экспертному сообществу, конечно, нет надобности объяснять, что интеграционные тенденции переживают период некоторого замедления в связи с усилением политической конфронтации между Россией и Западом. Пока Россия развивалась в русле усиления и укрепления всестороннего сотрудничества с Европой и США, общественность стран-участниц безоговорочно поддерживала идею евразийской интеграции. Однако с усилением разногласий между Россией и Европой дезинтеграционные настроения и тенденции начинают постепенно превалировать, особенно в молодежной среде.

Что касается углубления и развития гуманитарной компоненты евразийской интеграции и усиления научно-образовательной кооперации между нашими сообществами, то здесь, как нам представляется, необходимо формировать и запустить несколько крупных долгосрочных исследовательских проектов с привлечением ученых-обществоведов широкого профиля из ведущих научных центров всех стран-участниц. Тематика этих проектов может быть различной: от проблем взаимовосприятия различных социально-конфессиональных слоев внутри и между нашими обществами до вопросов развития молодежной субкультуры и/или прогнозируемой демографической структуры на ближайшую перспективу.

Ведь всем хорошо известно, что именно крупные и долгосрочные научно-исследовательские проекты способны консолидировать и укреплять несколько ослабевшие контакты и связи между интеллектуальными ресурсами экспертного сообщества наших стран. И только строгий научно-критический анализ интеграционных процессов в ЕАЭС позволит перевести их из имитационной фазы в реальную правовую, экономическую, социально-политическую и культурную интеграцию. И позволит оказывать эффективное противодействие гравитационной силе конкурирующей европейской интеграции.

VI. Социальные риски и «коридор возможностей» в контексте евразийской интеграции: Республика Беларусь

Введение.

Единое экономическое пространство формируется постепенно путем повышения уровня интеграции государств-участников через синхронизацию совместных мер по проведению экономической политики, гармонизацию и унификацию законодательств в сфере экономики с учетом норм и принципов международного права. Вместе с тем существуют **социальные риски**, связанные со вступлением Беларуси в этот масштабный проект. Они определяются различным уровнем развития рыночных институтов, разными механизмами государственного регулирования экономических и социальных процессов. В **социальном** контексте Беларусь утрачивает одно из своих главных конкурентных преимуществ – высококвалифицированные трудовые кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения из Беларуси в страны – участницы ЕАЭС, в первую очередь, в Россию. Возможно возникновение, в связи с созданием ЕАЭС, таких **новых рисков**, как рост конкуренции на внутреннем рынке Беларуси со стороны товаров и услуг стран – участниц ЕАЭС, а также конкурентная борьба партнеров по Таможенному союзу за внешние рынки.

Последствия вступления в ЕАЭС для населения Беларуси еще до конца не очерчены и не всегда им осознаются. Большинство населения склонно оценивать социально-экономические изменения по событиям, непосредственно отражающимся на их жизни. В **экономическом** плане – это снижение цен на энергоносители; в **социальном** – расширение возможностей трудовой миграции на российский рынок труда.

1. Коридор экономических и социальных возможностей.

Рассмотрим так называемый «**Коридор экономических и социальных возможностей**», который предоставляется обществу каждым новым этапом развертывания интеграционных процессов (ТС – 2010 г., ЕЭП – 2012 г., ЕАЭС – 2015 г.). Однако то, насколько они будут использованы, во многом определяется как **местом нахождения страны** в едином глобальном пространстве, так и **соразмерностью** экономических и социальных **активов и пассивов** в государстве.

Для Беларуси:

1) стартовые возможности – в **экономическом** аспекте определяются четвертым (с элементами пятого) технологическим укладом, что связано с переходом от машинного труда к труду автоматизированному, который составляет на нынешний момент 1/5 трудовых затрат;

2) соразмерность активов и пассивов. **Экономические** активы Беларуси и России состоят в сохранении основного производственного капитала (ресурсной базы) – наиболее важных видов производства. В Беларуси – это машиностроение, тракторостроение, приборостроение, производство ряда видов сложной бытовой техники. В России – электронная, атомная и электротехническая промышленность, станко-, судо- и приборостроение, ракетно-космическая промышленность, химико-металлургический комплекс. Это то, что российский экономист С. Ю. Глазьев назвал **несущими** отраслями, сопровождающими развитие основного ядра (ключевого фактора) пятого (микроэлектроника) и шестого (нано- и биотехнологии, клеточные технологии, методы геномной инженерии) технологических укладов.

К **социальным** активам можно отнести наличие квалифицированной рабочей силы, занятой в несущих производствах. Одним из важнейших активов в постсоветских странах выступает роль государства как субъекта создания модели социально-экономического развития, разработки государственных, отраслевых и региональных программ реализации этой модели. Но при этом нужно иметь в виду **проблему баланса** экономического и социального направлений в государственной политике. А также **проблему границ и методов** государственного воздействия на экономику страны в таких пределах, чтобы не разрушить основы рыночной экономики сильным государством. Согласно теории и практике социального рыночного хозяйства, только сильное правовое государство может стать гарантом эффективной рыночной экономики, т. е. такое, которое использует политическую власть для создания условий конкурентной борьбы, равных для всех социально-профессиональных групп и всех форм собственности.

Что можно отнести к **пассивам**, определяемым как социальные проблемы, требующие своего решения?

Для Беларуси – это формирование «базового слоя», который вобрал в себя свыше половины взрослого населения и начиная с 2005 г. превратился в социальную платформу общества. Он как бы «вбирает» в себя нижние слои и «консервирует» их в диапазоне от двух до четырех бюджетов прожиточного минимума (БПМ) в силу значительной экономической мобильности из нижних в базовый слой и практического отсутствия таковой из базового в верхние слои. Тем самым базовый слой выполняет функцию стабилизации общества: в плане материальных ресурсов – по «уровню равенства в бедности», а в аспекте нематериальных ресурсов – на основе сохранения традиционных ценностей в экономической и социальной сферах.

2. Факторы сужения/расширения коридора возможностей.

В числе позитивных **внутренних условий** и **предпосылок** можно назвать целевую ориентацию экономической политики на инновационное развитие и структурную перестройку экономики, закрепленные в Национальной стратегии устойчивого социально-экономического развития Республики Беларусь на период до 2020 г. Позитивными **внешними** предпосылками являются вхождение страны в Таможенный союз (6 июля 2010 г.), Единое экономическое пространство (29 мая 2012 г.) и Евразийский экономический союз (1 января 2015 г.).

В **экономическом** контексте вступление в ЕАЭС расширяет коридор возможностей, поскольку дает Беларуси низкие цены на энергоносители, что способствует обеспечению занятости белорусского населения и повышению конкурентоспособности белорусских товаров. А также сохранению относительно низких цен на коммунальные услуги, что позволяет поддерживать приемлемый уровень жизни населения. В **социальном** плане ЕАЭС предполагает обеспечение свободного передвижения граждан внутри Единого экономического пространства, что означает создание унифицированного правового режима в части трудоустройства, условий труда и занятости. Вместе с тем Беларусь рискует утратить одно из своих главных преимуществ – высококвалифицированные кадры, так как разный уровень рыночной трансформации и доходов обусловил рост оттока трудоспособного населения в страны ЕАЭС. В первую очередь, в Россию.

Наряду с позитивными имеют место и негативные процессы, которые сужают коридор экономических и социальных возможностей. Это долговая модель развития, отставание в технологическом уровне и структуре производственного аппарата, конкурентоспособности товаров и услуг, недостаточно эффективная система управления экономикой.

В научной и научно-технической сферах коридор возможностей **сужается** в связи со снижением наукоемкости ВВП. Если в 1990 г. она составляла 2,27 %, то в 2005 г. – 0,68 %, в 2010 г. – 0,70 %, в 2014 г. – 0,67 % и постоянно находится ниже критического уровня в 1 %. Отметим, что экономическая отдача, рост и развитие науки и техники возможны лишь при наукоемкости в 1,5–2 %. У стран ЕС этот показатель на уровне 2 % и выше.

Как следствие, недовыполняются нормативы по обеспечению доли высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции. Комплексный прогноз НТП Республики Беларусь на 2006–2015 гг. предусматривал, что доля высоких технологий в объеме произведенной в стране продукции составит в 2010 г. 6,5 %. Фактически в 2010 г., по данным Министерства экономики, доля промышленного производства организаций высокотехнологического сектора в общем объеме промышленного производства составила около 3 %. В экономически развитых странах этот показатель достигает 15 %. Возможно, это один из важнейших индикаторов, который до сих пор не позволяет Республике Беларусь войти в рейтинг «Индекс глобальной конкурентоспособности».

В **социальном** контексте – коридор возможностей **сужается** за счет невключенности значительной части занятого населения в процессы модернизации по «догоняющему типу», а также проблем, связанных с функционированием рынка труда. Это проблемы нестабильной занятости на рынке труда; движение текущего рынка труда в направлении типичного вторичного рынка занятости; «жесткость» номинальной заработной платы, ведущая к проявлению «гибкости» уровня денежных доходов за счет вторичной занятости; слабая инновационная восприимчивость занятого населения, определяющая его мотивацию, в основном, на повышение заработной платы и комфортные условия труда.

Расширение коридора экономических и социальных возможностей связано с повышением активности, усилением трудовой мотивации и социальной ответственности основных социально-профессиональных групп за свою деятельность и жизнедеятельность. Проблемы технологического плана невозможно решать без внедрения инноваций в массовое производство, а проблемы социального плана – без активного включения в экономику всех трудовых ресурсов, что создаст условия для более полного проявления их конкурентоспособности и, как следствие, более полной реализации возможностей закона конкуренции.

3. Уровень социальной поддержки населения.

Оценивая выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС, до 50 % населения ставит на первое место расширение рынков сбы-

та для белорусских товаров и услуг; 45 % – возможность получения финансовой и иных видов поддержки в условиях финансовой нестабильности; до 40 % – получение энергоносителей по более низким ценам; до 35 % – возможность обучения белорусов в высших и средних специальных образовательных заведениях на равных условиях с гражданами ЕАЭС. Оценивая возможные негативные последствия вступления Беларуси в ЕАЭС, 42 % белорусов считают, что это отток наиболее квалифицированных специалистов в страны ЕАЭС; 32 % – повышение таможенных пошлин и цен на ряд товаров; 32 % – снижение конкурентоспособности белорусских товаров и услуг на внутреннем рынке Республики Беларусь. В целом, выгоды и преимущества вступления Беларуси в ЕАЭС оцениваются населением Республики выше, нежели возможные негативные последствия. Это в значительной мере определяет высокий уровень социальной поддержки населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС.

– БПМ (2016): 180 бел. руб., т. е. 90 долл. (в среднем на душу населения).

– МПБ (2016): 300 бел. руб., т. е. 150 долл. (в среднем на душу населения).

Заключение.

По данным исследования (2016), уровень социальной поддержки населением вхождения Республики Беларусь в ЕАЭС достаточно высок: поддерживают 75,1 % опрошенных; не поддерживают в той или иной мере – 9,7 %; затрудняются в ответе в связи с недостаточной информированностью – 15,2 %. Таким образом, общественный запрос на формирование единого интеграционного пространства в виде серьезной поддержки населения имеется. Но нужна политическая воля, чтобы реализовать этот запрос в активизации общественной энергии, морально-психологической мотивации на эффективный и производительный труд. На микроуровне особое внимание уделяется повышению трудовой мотивации, связанной с повышением значимости конкуренции и ценности образования. На макроуровне это связано с реформированием системы управления экономикой, что предполагает разделение функций государства как регулятора и как собственника и установление партнерских отношений между государством и бизнесом, где каждый из них выполняет свои особые функции.

Однако, согласно выводам ведущих экономистов Республики Беларусь, проведение структурных реформ проблематично. **Во-первых**, необходимость реформ неочевидна как для населения, так и для элиты, принимающей политические решения; **во-вторых**, отсутствие ясности того, куда ведут реформы, и ответственность за их пос-

ледствия тормозят принятие сложных решений. Очевидно, что структурные экономические реформы непопулярны: краткосрочные издержки будут преобладать в общественном сознании над долгосрочными выгодами. В этих условиях наиболее вероятен эволюционный путь улучшения работы существующих институтов власти в контексте проведения институциональной реформы. А именно: сокращение численности госаппарата и оптимизация функций его подразделений, рассмотрение Правительства Республики Беларусь как института по прогнозированию и управлению стратегическим развитием страны. Во избежание экономических шоков, построение новой экономики должно стать поступательным, а для этого необходимы время и стабильность экономики.

Определение: «Коридор экономических и социальных возможностей» трактуется как характеристика, определяемая стартовыми позициями государства при вступлении в ЕАЭС, а также его экономическими и социальными активами и пассивами в новых условиях интеграционного пространства.

VII. Казахстанская экономика в условиях евразийской интеграции: тенденции и промежуточные итоги

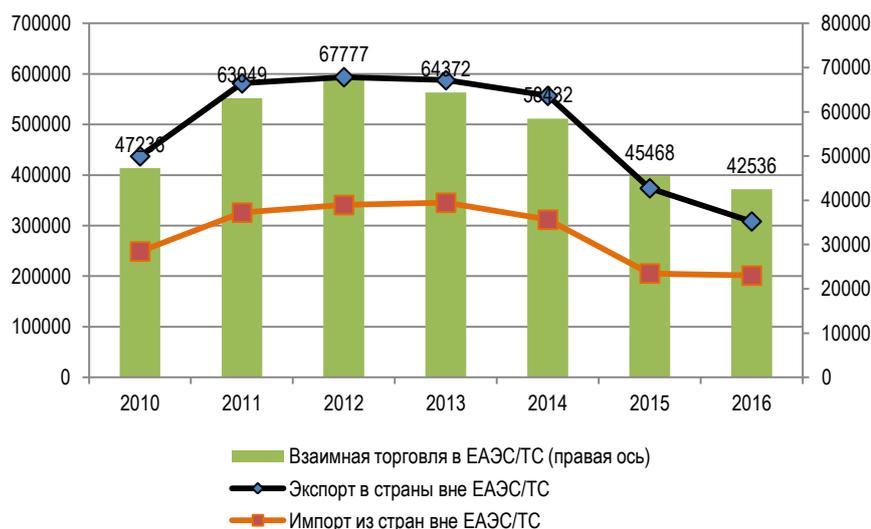
Евразийская интеграция в странах СНГ началась с подписания в 2010 г. договора о Таможенном союзе Беларуси, Казахстана и России и принятия Единого таможенного тарифа, а фактическая ее реализация стартовала в 2011 г., когда были убраны таможенные посты на границе между Беларусью и Россией, а затем на границе России и Казахстана. Таким образом, 2016 г. стал шестым годом пребывания трех государств – основателей ЕАЭС в евразийском интеграционном проекте, что дает основания рассматривать тенденции и итоги этого проекта за период с 2010 г. по 2016 г.

Рассматривая тенденции экономического сотрудничества Казахстана в рамках ЕАЭС за этот период и его итоги, необходимо отметить, что традиционно основным индикатором сотрудничества в рамках евразийского интеграционного проекта была динамика взаимной торговли. Рост товарооборота был иллюстрацией успешности Таможенного союза в первые годы после его создания, так же, как падение этого показателя в 2014–2016 гг. стало поводом для критики ЕАЭС и заявлений о его неэффективности. В этой связи уместно обратить внимание на специфику экспортной ориентации стран ЕАЭС. Как известно, основным экспортным товаром для крупнейших экономик ЕАЭС – России и Казахстана, на которые приходится 95 % экспорта стран союза, являются различные виды сырья, прежде всего, углеводородов. Цены на это сырье отличаются высокой волатильностью, что обуславливает и существенные изменения объемов внешней торговли – как внутри ЕАЭС, так и с третьими странами (рис. 1). Поэтому как рост товарооборота в период до 2012 г., так и его спад в 2014–2016 гг. объясняются не успехами или достижениями экономической интеграции, а изменением стоимостных параметров экспорта из-за волатильности нефтяных цен.

Соответственно, делать выводы об успешности интеграционных процессов целесообразно в данном случае, исходя не из абсолютных параметров роста или спада взаимного товарооборота, а на основе сравнительного анализа данных параметров с аналогичными показателями внешней торговли с третьими странами.

Рисунок 1

Динамика взаимной торговли стран союза в сопоставлении с объемами внешней торговли с третьими странами в 2010–2015 гг., млн долл. США [1]

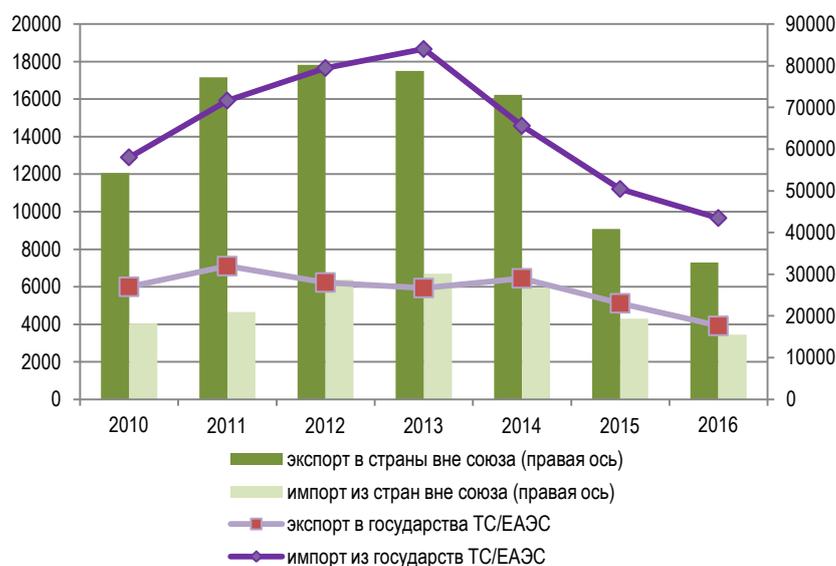
Такое сравнение показывает, что торговая активность в рамках ЕАЭС (а ранее – Таможенного союза) росла интенсивнее в период общего роста внешней торговли и снижалась медленнее в период ее спада, обусловленного падением мировых товарных рынков. Так, в 2010–2012 гг. взаимная торговля стран Таможенного союза выросла на 43 % против 36,3 % роста торговли с остальным миром (экспорт в третьи страны увеличился на 36 %, импорт – на 37 %). От пиковых значений параметров внешней торговли, достигнутых в 2012 г., к 2016 г. спад взаимной торговли стран ЕАЭС составил 37,2 %, тогда как экспорт в третьи страны упал на 48 %, а импорт из третьих стран – на 41 %. Таким образом, торговые процессы внутри ЕАЭС происходят более интенсивно, что является признаком положительного влияния интеграционного объединения на экономические отношения и свидетельствует о реальном эффекте снятия таможенных барьеров и формирования общего рынка.

Тенденции взаимной торговли в рамках ЕАЭС в целом аналогичным образом проявляются на уровне внешней торговли Казахстана с партнерами по Союзу в сравнении с торговлей с остальным миром, хотя также отличаются неоднозначностью и нестабильной динамикой, обусловленной фактором высокой волатильности цен на основные экспортные товары.

Показатели торговли Казахстана со странами ЕАЭС, рассмотренные в сопоставлении с торговлей с остальным миром, демонстрируют, с одной стороны, отсутствие значимого прогресса, но, с другой стороны – и значительно большую устойчивость в период падения сырьевых цен в 2014–2016 гг. (рис. 2). В период с 2010 по 2016 гг. казахстанский экспорт в третьи страны пережил сначала полторакратный рост, а затем более чем двукратный спад (с 80 до 33 млрд долл. или на 59 %). В общей сложности за семь лет с 2010 по 2016 гг. экспорт в страны вне союза сократился на 40 %. Экспорт в страны Союза за эти годы сократился на 35 %. Импорт из стран ЕАЭС рос, хотя и интенсивно, но медленнее по сравнению с импортом из третьих стран, а его падение произошло до более низких уровней.

Рисунок 2

Сравнительная динамика параметров внешней торговли Казахстана со странами ЕАЭС и с третьими странами в 2010–2016 гг., млн долл. США [1]

В целом же товарооборот Казахстана с третьими странами за семилетний период сократился на 33,3 %, тогда как со странами ЕАЭС – на 28,1 %, т. е. в сфере внешней торговли итоги пребывания в экономическом союзе могут рассматриваться в положительном ключе. Критики участия Казахстана в Таможенном союзе часто обращают внимание на то, что в этот период росло отрицательное сальдо тор-

гового баланса Казахстана и стран Союза (прежде всего, России), и эта тенденция действительно имела место – с 2010 по 2013 гг. этот показатель вырос почти в два раза с 6,9 до 12,7 млрд долл.), заметно интенсивнее роста товарооборота. Однако после 2013 г. отрицательное сальдо торговли со странами ЕАЭС стало быстро сокращаться и к 2016 г. снизилось до уровня 5,7 млрд долл., что на 17 % меньше по сравнению с 2010 г. Это произошло вследствие резкого падения импорта в 2015–2016 гг., связанного с сильной девальвации тенге – и этот факт говорит о том, что на внешнеторговый оборот Казахстана зачастую сильнее влияют внутренние факторы, а не членство в ЕАЭС.

Помимо внешней торговли для Казахстана критически важным направлением международного экономического сотрудничества является инвестиционное. Модернизация экономики, являющаяся приоритетом всех основных программ развития на протяжении многих лет, невозможна без привлечения масштабных иностранных инвестиций, которые, однако, направляются преимущественно в добывающую промышленность и геологоразведку. В этом плане участие в интеграционном объединении с крупным общим рынком дает Казахстану шанс переломить тенденцию и начать привлечение инвестиций в обрабатывающую промышленность с целью диверсификации структуры экономики, привлекая инвесторов перспективами выхода на большой общий рынок ЕАЭС.

За время участия Казахстана в Таможенном союзе и ЕАЭС объем прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в обрабатывающую промышленность значительно вырос по сравнению с предыдущими годами. С 2010 по 2016 гг. совокупный объем ПИИ в эту сферу составил 44,1 млрд долл., тогда как с 2005 по 2009 гг. – 10,3 млрд долл. [2]. Приток ПИИ в обрабатывающую промышленность рос в это время быстрее, чем приток ПИИ в целом и даже опережал поступление инвестиций в добывающие отрасли, которые всегда были основным объектом приложения средств зарубежных инвесторов. Если в 2005 г. на инвестиции в обрабатывающую промышленность приходилось всего 4,4 % общего объема годового притока ПИИ, то с 2011 г. этот показатель не опускался ниже 10 % и варьировался в интервале 10,6 – 21,4 %, а по итогам 2016 г. составил 18,4 %.

При этом значительную часть этого притока инвестиций в обрабатывающую промышленность Казахстана обеспечили партнеры по ЕАЭС. До 2015 г. тенденции притока ПИИ из ЕАЭС в Казахстан были позитивными и выражались в постоянном и устойчивом их росте с момента формирования Таможенного союза в 2010 г. как в абсолютном, так и в относительном выражении. К 2014 г. доля ПИИ из стран ЕАЭС в общем объеме достигла максимума в 7,4 %, а их раз-

мер вышел на уровень 1 756 млн долл., что в 2,5 раза превысило показатель 2009 г. (699 млн долл.), последнего года перед созданием Таможенного союза, впоследствии преобразованного в ЕАЭС.

Таблица 1

Приток прямых иностранных инвестиций в Казахстан в 2010–2016 гг. из стран Таможенного союза и ЕАЭС в сравнении с общим объемом ПИИ, млн долл. США [3]

	Беларусь	Россия	Всего ПИИ
2005	1,3	226,8	7 916
2006	0,0	541,1	12 066
2007	4,7	827,6	19 418
2008	14,4	965,6	21 301
2009	27,0	663,6	21 437
2010	41,7	951,6	22 246
2011	85,8	1 000,1	26 467
2012	122,5	1 069,5	28 885
2013	165,0	1 299,2	24 098
2014	202,0	1 580,1	23 726
2015	79,5	527,7	14 752
2016	63,5	867,4	20 637
2016/2005 гг., разы	46,6	3,8	2,6

Доля в притоке инвестиций из России и Беларуси в 2016 г. составила 4,5 % против 2,9 % в 2005 г. и 3,2 % в 2009 г.

При этом также можно отметить, что инвестиции ключевого партнера по ЕАЭС – России – в отличие от большинства других стран мира направляются преимущественно в обрабатывающую промышленность, т. е. в приоритетный для Казахстана вид деятельности, в развитии которого национальная экономика испытывает острую потребность. Примерно четверть всех российских инвестиций идет в

обрабатывающую промышленность, а по объему инвестиций в этот вид деятельности Россия занимает второе место при том, что по общему объему инвестиций в казахстанскую экономику находится на шестой позиции (табл. 2).

Таблица 2

Страновая структура иностранных инвестиций в Казахстан и инвестиций в обрабатывающую промышленность на 30 июня 2016 г. [4]

	Все инвестиции	Инвестиции в обрабатывающую промышленность
Нидерланды	67 106	4 755
Великобритания	26 654	511
США	25 563	165
Китай	14 755	920
Франция	13 319	141
Россия	10 523	2 540
Япония	6 494	241
Гонконг	5 509	-
Виргинские острова	5 004	73
Швейцария	3 403	2 246

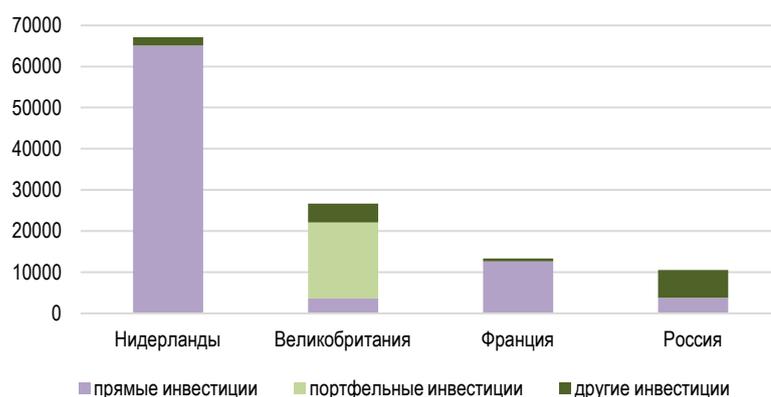
Опережающий рост российских и белорусских вложений в обрабатывающую промышленность Казахстана произошел в период создания и существования Таможенного союза и ЕАЭС и, очевидно, стал следствием этого интеграционного проекта. На 30 июня 2016 г. иностранные инвестиции в казахстанскую обрабатывающую промышленность достигли 14 653 млн долл. США [5], а доля России в них составляет 17,3 %, внося заметный вклад в модернизацию и диверсификацию экономики. Всего же по экономике доля в накопленных ПИИ четырех стран ЕАЭС составляет 3,3 % (4,1 млрд долл.).

Рассматривая инвестиционное сотрудничество Казахстана со странами ЕАЭС в сравнении с другими государствами, надо также учитывать специфику осуществления различных видов иностранных инвестиций. Статистикой Национального банка Республики Казах-

стан выделяется четыре вида иностранных инвестиций – прямые, портфельные, производные финансовые инструменты (фактически отсутствуют) и др. (в этом виде инвестиций отражаются преимущественно кредиты). В разрезе данных видов иностранных инвестиций также наблюдается существенное отличие между европейскими странами и Россией, представляющей львиную долю инвестиций в Казахстан из ЕАЭС (рис. 3). Так, подавляющий объем иностранных инвестиций (76 %) из лидирующих по притоку инвестиций стран ЕС приходится на прямые инвестиции, тогда как в структуре российских инвестиций преобладают другие инвестиции (64 %).

Рисунок 3

Накопленные иностранные инвестиции в Казахстан из ведущих стран ЕС и России по видам, млн долл. США, по состоянию на 30 июня 2016 г. [4]

Прямые и другие инвестиции существенно отличаются между собой в плане статического учета фактического притока в страну средств. В прямых инвестициях учитываются не только те деньги, которые действительно поступают из зарубежных источников в Казахстан, но и реинвестированные доходы иностранных инвесторов на территории страны, т. е. доходы казахстанских компаний внутреннего происхождения, причитающиеся иностранным держателям долей в этих компаниях. При этом в последние годы реинвестированные доходы (доля иностранных инвесторов в нераспределенной прибыли казахстанских компаний) формировали очень значительную часть чистого притока ПИИ в страну. В 2014 г. этот показатель

составил 59 %, в 2016 г. – 54 % [6], а среднее его значение в период 2010–2016 гг. сложилось на уровне 35 %. Это значит, что фактически от трети до половины ПИИ в Казахстан на самом деле являются не притоком средств из-за рубежа, а доходами, полученными на территории страны, в связи с чем значимость этого вида иностранных инвестиций как источника внешнего финансирования может быть несколько скорректирована.

Напротив, инвестиционные потоки, представленные в разделе «другие инвестиции», имеют в целом именно зарубежное происхождение и, представляя преимущественно кредитные ресурсы, точнее отражают финансовые потоки в Казахстан из-за границы. В этом виде инвестиций страны ЕАЭС, главным образом, Россия имеют очень сильные позиции, особенно на фоне развитых стран – по объему накопленных в Казахстане других инвестиций Россия занимает второе место после КНР, существенно опережая все западные государства. Учитывая, что приток инвестиций из России в Казахстан активизировался в годы существования Таможенного союза, Единого экономического пространства и ЕАЭС, можно сделать вывод, что евразийская интеграция оказала положительное влияние на процесс привлечения иностранных инвестиций в Казахстан, что выразилось как в росте фактического притока финансовых ресурсов, так и в их ориентации на приоритетные для национальной экономики сферы.

К числу других перспективных для казахстанской экономики направлений, в которых возможен прогресс на основе членства в ЕАЭС, можно отнести следующие:

- привлечение в страну стратегических иностранных инвесторов и создание крупномасштабных высокотехнологичных производств, ориентированных на общий рынок ЕАЭС;
- рост несырьевого экспорта в страны ЕАЭС и снижение на этой основе зависимости экономики от волатильности мировых сырьевых рынков;
- снижение уязвимости к внешним шокам и наращивание возможностей противостояния кризисам за счет укрепления антикризисных институтов ЕАЭС и других наднациональных структур союза;
- доступ к общим рынкам услуг, труда и капитала ЕАЭС как для казахстанских поставщиков товаров и услуг, так и для потребителей соответствующей продукции, а также для работников;
- улучшение качества и цен предлагаемых на внутреннем рынке Казахстана товаров и услуг за счет усиления конкуренции с поставщиками из стран ЕАЭС;
- дальнейшая активизация торговли и ее положительное влияние на экономический рост;

– возможности осуществления согласованных действий стран ЕАЭС на рынках третьих стран и в целом на мировом рынке с целью повышения эффективности внешнеэкономической деятельности.

Пребывание Казахстана в ЕАЭС, конечно, несет в себе не только позитивные перспективы, но и определенные риски, которые в общих чертах были рассмотрены выше для наднационального уровня. К числу же специфических рисков, которые могут проявиться на уровне отдельной экономики, можно, по нашему мнению, отнести следующие:

– утрата позиций казахстанским бизнесом на внутреннем рынке под давлением конкурентов из других стран ЕАЭС, имеющих лучшие финансовые и технологические возможности;

– вымывание квалифицированных трудовых ресурсов в страны ЕАЭС с лучшими условиями труда в рамках общего рынка рабочей силы;

– снижение доли казахстанских финансовых институтов и чрезмерная зависимость финансовой сферы от крупных российских банков после формирования общего финансового рынка ЕАЭС;

– ограничение возможностей и инструментария экономического регулирования в случае большей концентрации регулятивных функций на надгосударственном уровне по мере усиления интеграции в ЕАЭС.

Однако в целом как итоги первых лет евразийской интеграции, так и ее дальнейшие перспективы представляются имеющими в целом положительный баланс для Казахстана, что актуализирует проблематику дальнейшего прогресса интеграционного объединения.

Использованная литература:

1. Внешняя и взаимная торговля товарами Евразийского экономического союза. Евразийская экономическая комиссия // http://eec.eaeunion.org/ru/act/integr_i_makroec/dep_stat/tradestat/time_series/Pages/default.aspx. Дата обращения: 29 ноября 2016 г.
2. Валовой приток прямых инвестиций в Казахстан от иностранных прямых инвесторов по видам экономической деятельности резидентов // Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк Республики Казахстан // <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>. Дата обращения: 29 ноября 2016 г.
3. Там же.
4. Внешние обязательства резидентов Казахстана перед 10 странами – крупными инвесторами в разбивке по видам экономической деятельности // Международная инвестиционная позиция. Национальный банк Республики Казахстан // <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian>. Дата обращения: 29 ноября 2016 г.

5. Международная инвестиционная позиция (МИП) Казахстана по видам экономической деятельности резидентов // Международная инвестиционная позиция. Национальный банк Республики Казахстан // <http://www.nationalbank.kz/?docid=679&switch=russian>. Дата обращения: 29 ноября 2016 г.
6. Прямые инвестиции по направлению вложения: потоки за период // Статистика прямых инвестиций по направлению вложения. Национальный банк Республики Казахстан // <http://www.nationalbank.kz/?docid=680&switch=russian>. Дата обращения: 9 апреля 2017 г.

VIII. Роль интеграционных структур в обеспечении безопасности стран Средней Азии

Для начала следует напомнить, что Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан – члены ОДКБ; Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Узбекистан – члены ШОС. Туркмения остаётся нейтральным, неприсоединившимся к блокам государством. Основными угрозами безопасности в Средней Азии остаются: деятельность экстремистских организаций, направленная на дестабилизацию внутренней обстановки в странах региона; создание и деятельность незаконных вооружённых формирований; распространение и транспортировка наркотиков, рост влияния наркомафии; незаконный оборот оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ и т. п.; социально-политическая нестабильность в странах региона; наличие вблизи границ очагов военных конфликтов; распространение влияния международных террористических организаций, усиление позиций религиозного экстремизма. Ответы на эти угрозы ищут как через национальные силовые структуры, так и через функционально отвечающую за коллективную безопасность и координацию оборонной политики Организацию Договора о коллективной безопасности (ОДКБ). В 2009 г. была усилена военная компонента ОДКБ, созданы коллективные силы оперативного реагирования (КСОР).

Очередной саммит ОДКБ прошёл 14 октября 2016 г. в Ереване. Одной из главных задач встречи стало обсуждение аспектов коллективной безопасности до 2025 г. В частности, был определён перечень сохраняющихся угроз странам – участницам ОДКБ: вербовка в ряды террористических организаций, международный терроризм, разжигание межрелигиозной и межэтнической розни, наличие неурегулированных территориальных споров с соседними государствами, неконституционное изменение государственного строя. Для решения этих задач лидеры государств договорились совершенствовать обороноспособность стран ОДКБ, расширять военнотехническое сотрудничество, активизировать кооперацию в борьбе с терроризмом, улучшать взаимодействие по охране границ. Также было принято решение о создании единого списка организаций,

признанных террористическими в странах ОДКБ. Существенным практическим итогом встречи стало создание Центра кризисного реагирования ОДКБ, который будет взаимодействовать с национальными силовыми структурами стран ОДКБ¹².

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) не является военно-политическим блоком, но, исходя из её уставных целей и задач, «совместное обеспечение и поддержание мира, безопасности и стабильности в регионе» периодически выходит на повестку дня¹³. В рамках ШОС учрежден даже координирующий орган по проблемам региональной безопасности – действующая на постоянной основе Региональная антитеррористическая структура (РАТС) в Ташкенте. Но уже приходилось отмечать определённые организационные дисфункции вследствие дублирования, поскольку параллельно существует и Антитеррористический центр ОДКБ в Бишкеке¹⁴.

В первую очередь угроза экстремизма и терроризма в республиках Центральной Азии связана с религиозным фактором, распространением мусульманского радикализма (его еще называют «политическим исламом», «исламизмом», «джихадизмом»). Исламизм, находящийся в подполье, готов подняться в случае любой политической дестабилизации и активно использует социальные проблемы для дискредитации светских правящих режимов. К сожалению, в странах Средней Азии имеются все необходимые социально-экономические условия (бедность, коррупция, имущественное неравенство, безработица и т. п.). Тем более, что уже сейчас исламские организации в Средней Азии пользуются международной финансовой и, возможно, военной поддержкой.

Наиболее мощным вооруженным экстремистским формированием, которое продолжает действовать в регионе, остаётся «Исламская партия (движение) Туркестана» (ИПТ, в 1996–2002 гг. была известна как «Исламское движение Узбекистана»)¹⁵. ИПТ ставит своей целью вооруженную борьбу с властями Узбекистана и других стран Средней Азии за свержение светской власти и установление шариатского правления. Деятельность ИПТ связана практически со всей террористической активностью и вооруженными мятежами в регионе за постсоветский период.

Не удивительно, что в погоне за дополнительным финансированием новый лидер ИПТ У. Гази заявил о присоединении своей ор-

¹² Страны ОДКБ усилят борьбу с терроризмом // Известия. – 2016. 14 октября // <http://izvestia.ru/news/638495>].

¹³ ШОС // <http://ria.ru/infografika/20150708/1120666045.html>].

¹⁴ Селезнёв И. А. Роль институциональных структур в процессе евразийской интеграции // Социально-гуманитарные знания. – 2016. – № 6. – С. 217.

¹⁵ Запрещенная в России террористическая организация.

ганизации к «Халифату», «Исламскому государству» (ИГ)¹⁶. Ведь именно «Халифат» стал привлекательным лозунгом для джихадистов, он получает поддержку от сочувствующих «нефтяных шейхов», именно в ИГ на «джихад» устремились экстремисты. Скорее всего, «победное шествие» «Халифата» может осуществляться путём присяги местных исламских террористов ИГ. Так, еще в марте 2015 г. в Интернете появилось видео, на котором представители ИПТ присягают Х. Саиду Хану, представителю «Халифата» в провозглашенном «вилайте Хорасан» (территориальное отделение ИГ в Афганистане и Пакистане). В этом отношении ИГ представляет в перспективе серьезную угрозу для постсоветских государств Средней Азии. В рядах ИГ воюет большое количество выходцев из этих стран.

Итак, процесс распространения мусульманского экстремизма в регионе, подстегиваемый социально-экономической ситуацией, остается достаточно насущной угрозой. В зоне опасности находятся и Узбекистан, и Таджикистан, и Кыргызстан, и Туркменистан, и Казахстан.

Так, в Узбекистане, где и при И. Каримове и после избрания президентом Республики Ш. Мирзиёева от явного всплеска исламизма общество удерживают лишь силовые структуры, в случае ослабления центральной власти сценарий стремительной и массовой радикализации молодежи более чем возможен. Узбекистан, демонстрируя «многовекторность» во внешней политике, будучи одним из государств – основателей ОДКБ, то включался в деятельность этого Союза, то покидал его (последний раз Узбекистан заявил о приостановке участия в ОДКБ в 2012 г.) Тем не менее эта страна сохраняет членство в ШОС и продолжает сотрудничество по линии силовых структур в рамках РАТС.

Кыргызстан находится в зоне риска из-за южной части страны, которая традиционно наиболее исламизирована и в недостаточной степени развита. Там активно действуют вербовщики экстремистских организаций. На территории этой страны размещена объединенная российская военная база, выступающая в роли фактора безопасности: авиационная база КСОР ОДКБ в г. Кант, испытательная военно-морская база в г. Каракол, узел связи в п. Чалдовар и автономный сейсмический пункт в г. Майлуу-Суу.

Однако, по заявлению президента страны А. Атамбаева, хотя Россия останется стратегическим партнером Кыргызстана, но в военном плане республика должна опираться на свои собственные силы, и после окончания срока действия договора российская база «дол-

¹⁶ Запрещенная в России террористическая организация.

жна будет уйти» с территории Кыргызстана¹⁷. Это заявление, сделанное 1 декабря 2016 г., вызвало широкий резонанс среди специалистов. Напомним, что в 2014 г. под предлогом истечения срока договора Кыргызстан свернул американскую базу в аэропорту «Манас», которая использовалась как транспортный узел для переброски войск и техники США в Афганистан. И в качестве гарантий вывода американской базы Кыргызстаном были получены от России внушительные средства, а также был списан долг в размере 189 млн долл. Но, как отмечают эксперты, последствия вывода российских военных с территории Кыргызстана чреваты серьезным ухудшением обстановки в стране. И если президент Атамбаев сделал это заявление не ради того, чтобы выпросить у Москвы новые инвестиции, то безопасность Кыргызстана вызывает беспокойство. Ведь тогда под угрозой будет поставлено сотрудничество с Россией, несмотря на все заверения Атамбаева о сохранении партнерства, а также с ОДКБ, поскольку база существует на основе соглашений именно в рамках этой структуры, а это – угроза не только отдельно взятой стране, но всему региону¹⁸.

Тем не менее стоит отметить и плодотворный опыт взаимодействия спецслужб в борьбе с экстремизмом. Эксперты ранее предупреждали об опасности распространения исламизма среди трудовых мигрантов из Средней Азии, определенный сегмент которых является социальной базой и источником финансирования радикальных исламистских организаций¹⁹. После теракта в метро Санкт-Петербурга в апреле 2017 г. проблема была озвучена и на официальном уровне: директор ФСБ России А. Бортников признал, что основной костяк террористических групп составляют граждане СНГ, прибывшие в Россию в потоках трудовой миграции, и призвал принять меры по повышению ответственности должностных лиц, контролирующих соблюдение миграционного законодательства, и бизнес-структур, использующих труд мигрантов²⁰. Ранее появлялись сообщения о разоблачении и задержании осенью 2016 г. сотрудниками ФСБ и МВД России группы экстремистов, выходцев из стран Средней Азии, связанных с ИГ и готовивших теракты в Петербурге. Операция проходила при активном участии спецслужб Кыргызстана

¹⁷ Атамбаев: Российская база «должна уйти» из Киргизии, когда истечет договор // <http://ria.ru/world/20161201/1482575128.html>].

¹⁸ Петрова Е. Дружба дружбой, а базы – врозь // <http://rusplt.ru/policy/drujba-drujboy-bazyi-28820.html>.

¹⁹ Диков А. Б. Проблема исламизма в контексте миграционной политики России // Противостояние терроризму. Проблемы XXI века // Counter-Terrorism. – 2016. – № 3. – С. 19.

²⁰ Глава ФСБ назвал трудовых мигрантов из СНГ костяком групп террористов // <http://www.rbc.ru/politics/11/04/2017/58ec92ea9a79477def3267f1>].

и Узбекистана²¹. Так складывается практика координации сотрудничества правоохранительных органов в рамках соответствующих структур ОДКБ и ШОС.

Что касается Таджикистана, то там ситуация схожа по неустойчивости с Кыргызстаном. В Таджикистане риск дестабилизации связан с внутренними политическими противоречиями. Тем более, что на Таджикистан больше всего влияет фактор Афганистана. Афганистан, длительное время принимая экстремистов из стран постсоветского пространства, превратился в базу основных террористических организаций в Центральной Азии. Как свидетельствуют события в Горно-Бадахшанской области, произошла радикализация местной оппозиции, которая готова к открытому вооруженному противостоянию режиму²². Вместе с тем можно отметить, что в противостоянии террористической угрозе Таджикистан надеется на помощь союзников по ОДКБ и ШОС. В частности, в обеспечении обороноспособности Таджикистана трудно недооценить роль российской 201-й военной базы. Однако и в определении её статуса возникали сложности. Так, в июле 2012 г. Россия обвинила таджикские власти в выдвигании неприемлемых условий продления аренды базы и приостановила её финансирование. Тем не менее по результатам переговоров между Россией и Таджикистаном срок пребывания базы продлён до 2042 г. Помимо этого, в Таджикистане размещен еще один российский военный объект – находящийся близ г. Нурек оптико-электронный комплекс «Окно» – системы контроля космического пространства, подчинённый ВКС РФ.

Что касается нейтральной Туркмении, до сих пор не участвующей ни в какой из региональных международных организаций, то вовлечение её в орбиту ШОС было бы перспективным как с точки зрения определённых деловых кругов России, связанных с нефтегазовым комплексом, так и КНР. Тем более, что Россия и Китай упоминаются переизбранным на свой пост президентом страны Г. Бердымухамедовым в качестве главных стратегических партнёров Туркмении²³.

По мнению экспертов, существует опасность вторжения в Туркмению вооруженных отрядов из Северного Афганистана²⁴. Среди проживающих там туркмен много потомков басмачей, вытесненных

²¹ Задержанные ФСБ боевики готовили взрывы в торговых центрах Петербурга // <http://www.tvc.ru/news/show/id/104500>].

²² Гусев Л. Ю. Борьба с экстремизмом и терроризмом в странах Центральной Азии // Современные евразийские исследования. – 2016. – Вып. 2. – С. 64–77.

²³ Бердымухамедов назвал Россию первой из стратегических партнеров Туркмении // <https://ria.ru/world/20170219/1488314702.html/>].

²⁴ ИГИЛ в Средней Азии: пришествие неизбежно // <http://topwar.ru/67793-igil-v-sredney-azii-prishestvie-neizbezhno.html>].

из Туркменской ССР в ходе борьбы в 1920–1930-х гг. Поскольку туркмены – это «нация» племён, то говорят даже об угрозе «ливийского сценария», когда недовольные племена могут не поддержать власть против вторгшихся из-за рубежа боевиков. Поэтому в условиях нарастания напряженности еще в 2015 г. к афганской границе было переброшено до 70 % туркменской армии. При этом правительство Туркмении, по соображениям, связанным с нейтралитетом, официально отрицает угрозу на афганской границе. Это создаёт сложности в организации международной помощи данному государству²⁵. Тем не менее стоит отметить, что осознание угроз даёт себя знать, и руководство Туркмении сохраняет сотрудничество в военно-технической сфере как с Россией, так и с другими странами.

Говоря об угрозах безопасности Казахстана, сразу отметим, что из всех государств Средней Азии он обладает наиболее стабильной политико-социальной системой и при этом достаточно сильными армией и спецслужбами, чтобы противостоять экстремизму. Но и там происходит рост влияния джихадизма²⁶.

Важной составляющей интеграционных процессов является российско-казахстанское военно-техническое сотрудничество. Между военными ведомствами России и Казахстана в рамках достигнутых соглашений проводятся совместные военные учения на территории двух государств попеременно. Казахстан активно вовлечен в работу ОДКБ, в частности, в учения КСОР²⁷. По линии ШОС Казахстан участвует в укреплении антитеррористического потенциала организации, в том числе посредством участия в совместных контртеррористических учениях²⁸.

Участие Казахстана в евразийских интеграционных структурах нашло отражение в Военной доктрине Республики, определяющей в качестве приоритетных направлений международного военного сотрудничества формирование «нормативной правовой базы в сфере военного и военно-технического сотрудничества с государствами – членами ОДКБ, исходя из необходимости консолидации усилий по созданию единого оборонного пространства и обеспечению коллективной военной безопасности, а также дальнейшего развития сил и

²⁵ Аршинов Ю. Е., Казанцев А. А., Лапенко М. В., Притчин С. А. Каспийский регион-2025: международно-правовой статус, экономика и безопасность: Аналитический доклад / Казахстанско-российский экспертный IQ-клуб. – Саратов, 2017. – С. 70–73.

²⁶ Гусев Л. Ю. Безопасность в странах Центральной Азии – проблемы и вызовы // Современные евразийские исследования. – 2016. – Вып. 3. – С. 7–12.

²⁷ Цытлин В. Г. Современный этап военного сотрудничества России и Казахстана // Современные евразийские исследования. – 2015. – Вып. 2. – С. 78.

²⁸ Военная доктрина Республики Казахстан // http://military-kz.ucoz.org/index/voennaja_doktrina_kazakhstan/0-47].

средств ОДКБ» и «углубление стратегического партнерства в рамках ШОС на основе общих военно-политических интересов»²⁹.

Тем не менее, несмотря на плодотворное сотрудничество, по мнению ряда экспертов, Россия и Казахстан выступают не как партнеры, а как конкуренты. Как отмечается, количество предложений по интеграции подменяет само качество сотрудничества между нашими странами³⁰. А конкуренцию эту порождает продолжающееся сотрудничество Министерства обороны Республики Казахстан со странами НАТО. В рамках программы «Партнерство во имя мира» США участвовали в переоснащении вооруженных сил Казахстана, поставках техники, подготовке военных кадров. Несколько поколений курсантов из Казахстана получали подготовку в различных вузах стран НАТО. В 2008 г. США даже предлагали Казахстану в рамках проекта «Каспийский страж» разместить в казахстанской части акватории Каспия радиолокационную станцию, которая бы стала элементом американской системы ПРО³¹. Это не удивительно, поскольку Военная доктрина Казахстана в числе приоритетов международного военного сотрудничества – наряду с «созданием единого оборонного пространства», «обеспечением коллективной военной безопасности» и «углублением стратегического партнерства» в рамках ОДКБ и ШОС – называет также и «расширение сотрудничества в военной и военно-технической областях» с США и государствами Евросоюза³². Можно согласиться с точкой зрения, что в подобной ситуации необходим переход от «стратегического партнерства» к реальному стратегическому союзу, в основе которого будет борьба с международным терроризмом, транснациональной организованной преступностью, незаконным оборотом наркотических средств и оружия, противодействие всем формам экстремизма³³.

Подводя итог, мы можем отметить, что применительно к сфере интеграции стран среднеазиатского региона в оборонной области существуют те же проблемы, что и в других сферах евразийской интеграции. Процесс интеграции носит не всегда последовательный характер, несмотря на порой очевидную взаимовыгодность результатов.

²⁹ Там же.

³⁰ Гусев Л. Ю. Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности // <http://old.mgimo.ru/news/experts/document188967.pdf>].

³¹ Цыплин В. Г. Современный этап военного сотрудничества России и Казахстана // Современные евразийские исследования. – 2015. – Вып. 2. – С. 78.

³² Военная доктрина Республики Казахстан // http://military-kz.ucoz.org/index/voennaja_doktrina_kazakhstan/0-47].

³³ Гусев Л. Ю. Сотрудничество России и Казахстана в области безопасности // <http://old.mgimo.ru/news/experts/document188967.pdf>].

IX. Электронная валюта:

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ В ЕАЭС

Развитие информационных технологий и распространение их в сфере финансов инициировали появлению новых понятий, механизмов и структур в этой области, что стало стимулом для пересмотра и переосмысления уже существующих аспектов финансовой науки и стали важным фактором ее дальнейшего развития. Одним из таких понятий, появившихся на стыке информационных технологий и финансов, стали «электронные деньги», которые исследуются и изучаются учеными и экономистами разных стран.

Хотя электронные деньги сравнительно недавно вошли в нашу жизнь, развитие этого рынка осуществляется довольно быстро. Именно в связи с новизной самого явления термин «электронные деньги» применяются к различным платежным инструментам, основанным на инновационных технических решениях, и пока не существует единых, проверенных временем и постоянных определений, которые бы полностью отражали техническую, экономическую, регуляторную и потребительскую сущность такого явления как «электронные деньги».

Деньги в современной экономике имеют чисто функциональное определение: деньги – это любой инструмент, который выполняет ключевые функции денег. Деньги должны обеспечивать проведение платежей, служить для сохранения стоимости и функционировать в качестве единицы расчетов. Традиционные формы денег, включаемых в денежную массу – это бумажные деньги и банковские вклады. Широкие определения денежной массы также относят к деньгам ряд ликвидных ценных бумаг.

Термин «электронные деньги» является относительно новым и часто применяется для обозначения широкого спектра платежных инструментов (цифровые деньги, цифровая наличность, электронная наличность, Интернет-деньги, кибер-деньги и др.), основанных на инновационных технологических решениях. Следствием этого является отсутствие единой, общепризнанной дефиниции электронных денег, которая однозначно раскрывала бы их экономическую и правовую сущность. Также ошибочным является полное отождествление электронных денег с безналичными деньгами. Однако мож-

но выделить две главные, присущие электронным деньгам, характеристики, наличие которых позволяет утверждать, что электронный платежный инструмент можно отнести именно к электронным деньгам:

- он должен выполнять функцию денег, по крайней мере, функции меры и эквивалента стоимости и средства обращения/платежа, а также (как производную от первых двух) функцию средства накопления;
- он должен существовать в электронной форме (небумажной форме) и отличаться от традиционных банковских счетов и ценных бумаг (и инструментов управления ими).

Таким образом, электронные деньги – это разновидность так называемых «фидуциарных» денег, как и практически все существующие сейчас деньги, которые имеют вышеупомянутые соответствующие характеристики. Они являются обязательствами эмитента, выпущенными с целью расчетов, но при этом не имеют собственной внутренней стоимости (в отличие от, например, монет, изготовленных из драгоценных металлов). Более того, практически все имеющиеся формы электронных денег – это так называемые «репрезентативные» деньги. Выпущенные эмитентом электронные деньги на 100 % обеспечиваются традиционными формами денег и иногда – высоколиквидными активами, причем в большинстве случаев эмитент обязуется по требованию владельца денег обменять их на обычные деньги и наоборот. Следует отметить, что обязательства эмитента, принимаемые в расчет только эмитентом, к деньгам преимущественно не засчитываются, поэтому еще одним признаком электронных денег является возможность их использования для осуществления расчетов третьими лицами (как физическими, так и юридическими), отличными от эмитента электронных денег, поскольку в противном случае они не будут выполнять функцию средства обращения.

Если опираться на определение электронных денег, принятое в Европейском союзе, то электронные деньги должны иметь следующие характеристики:

- иметь способность к накоплению и подсчета баланса, а значит – иметь определенную монетарную стоимость (т. е. стоимость, выраженную в определенной валюте);
- приниматься экономическими агентами (как физическими, так и юридическими лицами) для расчетов;
- быть обязательствами эмитента, поступать в обращение только после его обмена на традиционные деньги в объеме не меньшем, чем эмитированная денежная стоимость, а также быть объектом обратного обмена по первому требованию их владельца;
- храниться в электронном виде или на физическом устройстве (таком, как смарт-карта, телефон или компьютер и т. д.) во владении собственника таких денег, или удаленно на сервере.

При этом, как видно из характеристик электронных денег, граница между электронными деньгами и другими электронными платежными инструментами является достаточно нечеткой: одни и те же платежные инструменты могут (в первую очередь) обеспечивать удобный способ использования обычных банковских счетов и одновременно использоваться в системах электронных денег.

Однако, с нашей точки зрения, ключевым отличием электронных денег от традиционных денег является то, что они могут быть неперсонифицированным платежным инструментом (т. е. не требуют идентификации владельца) и вращаются в известной степени вне банковской системы. Несмотря на то, что эмитенты электронных денег должны тесно взаимодействовать с банками для обеспечения свободного обмена электронными деньгами на традиционные и наоборот, электронные деньги не являются «банковскими деньгами», они не учитываются при расчете монетарных агрегатов и не могут быть использованы для осуществления банковских услуг (приема депозитов и выдачи кредитов).

Деньги в качестве платежного инструмента определяют развитие экономики и современного общества. Они позволяют обеспечить универсальный обмен между владельцами миллионов товаров и услуг, обеспечивающих функционирование кредита и государственных финансов.

После распространения во второй половине XX в. первых компьютеров, одним из первых направлений применения новых вычислительных возможностей стал перевод расчетов и бухгалтерского учета в электронный формат. Межбанковские расчеты, которые раньше требовали физической перевозки банкнот, теперь стали проходить практически полностью в электронной форме.

Электронные платежные инструменты, такие, как карточные платежи и электронные банковские переводы, постепенно стали вытеснять наличные и бумажные чеки и в розничных платежах, хотя бумажные деньги остаются в обращении в значительных количествах, как удобное средство платежа для мелких расчетов и обслуживания неформального сектора. Особенно заметным является падение использования чеков в безналичных операциях.

В 1990-х гг. резкий рост вычислительных мощностей и новое поколение компьютерных технологий позволило хранить деньги на кремниевом чипе или на персональном компьютере. Развитие сети Интернет и «информационного общества» также вызвало необходимость в обмене нематериальными товарами и услугами (в электронной форме). Это способствовало возникновению нового платежного инструмента – электронных денег.

Очевидно, что активность использования безналичных платежей тесно связана с уровнем экономического развития страны. В

странах с высоким уровнем ВВП на душу населения, как правило, регистрируется и большее количество безналичных платежей. Причинно-следственная связь в данном случае работает в обоих направлениях. С одной стороны, высокий уровень и развитие финансовой системы в богатых странах стимулирует безналичные расчеты.

С другой стороны, существует ряд причин, по которым внедрение безналичных платежей способствует ускорению экономического развития страны:

Во-первых, распространение электронных платежей при расчетах при прочих равных условиях стимулирует потребление домохозяйств. Когда потребитель рассчитывается наличными, он не может купить больше, чем есть у него в кошельке. Это может заставить потребителя отказаться от выгодной, но ограниченной по времени сделки. В то же время электронные платежные инструменты дают доступ ко всем средствам на счете, что делает потребление более удобным и увеличивает его объемы.

Поскольку электронные платежные инструменты часто являются индивидуализированными, они также позволяют эмитентам и торговцам предлагать свои программы по стимулированию потребления.

Во-вторых, развитие электронных платежей положительно влияет на финансовую систему и монетизацию экономики. Внедрение электронных платежей способствует привлечению средств населения и компаний в банковскую систему и уменьшает оборот наличности.

Широкое распространение безналичных платежей делает эти инструменты более доступными и необходимыми для широких слоев населения. Таким образом, растет уровень охвата населения финансовыми услугами, уменьшаются непроизводительные наличные сбережения, стимулируется развитие малого бизнеса, уменьшается роль теневых операций.

В-третьих, введение электронных платежей означает сокращение операционных расходов экономики и государства в целом. Обслуживание наличной платежной системы связано с существенными затратами, которые фактически покрываются обществом. Эти расходы включают расходы центрального банка на печатание бумажных денег и обслуживание межбанковских расчетов, расходы государства на осуществление надзора и предупреждения преступлений в этой сфере, затраты времени потребителей и предприятий на учет и проведение расчетов, расходы банков и подрядчиков на поддержание физической инфраструктуры денежного обращения, транспортировки бумажных денег, обработку платежей и т. п.

В-четвертых, увеличение электронных платежей может способствовать уменьшению теневой экономики, в которой используются

преимущественно наличные расчеты, что, в свою очередь, дает возможность проводить достаточно большие транзакции, которые не могут отслеживаться правоохранительными органами. Таким образом, увеличение популярности электронных платежных инструментов при прочих равных условиях может привести к появлению конкурентных преимуществ в легально работающих предприятиях, принимающих такие инструменты. Кроме того, распространение безналичных расчетов часто уменьшает частоту значительных по объему наличных расчетов в официальной экономике, упрощает борьбу с отмыванием денег.

В-пятых, электронные платежи имеют большое значение для развития туризма и электронной коммерции. С использованием электронных платежных инструментов уменьшились риски, связанные с перевозкой больших сумм денег, а процесс заказа билетов и бронирования мест в гостиницах значительно упростился.

Расширение платежной инфраструктуры и увеличение электронных платежей позволило увеличить доходы, полученные от туризма, а также стимулировать рост отраслей, связанных с ним.

Электронная коммерция является еще одной отраслью экономики, развитие которой напрямую связано с платежными инструментами. В принципе электронная коммерция возможна и без электронных платежей, когда заказ делается в режиме онлайн, а расчеты проходят с использованием бумажных инструментов. Однако масштабное развитие электронной коммерции невозможно без электронных платежей, поскольку их отсутствие ограничивает размеры предприятия и уменьшает его конкурентные преимущества.

В настоящее время количество и объем операций электронными деньгами в России, а также их доля в общем объеме безналичных расчетов значительно уступают другим расчетно-платежным инструментам, но наблюдается тенденция ежегодного их увеличения.

Активное использование электронных денег на российском рынке розничных платежных услуг началось с конца 90-х гг. прошлого столетия на основе активного развития IT-технологий.

Главным законодательным актом в сфере регулирования электронных денег, который упорядочил отношения между эмитентами, кредитными учреждениями, потребителями и государством на этом рынке, стал Федеральный Закон «О национальной платежной системе», который вступил в силу 30 июня 2011 г. Закон также урегулировал ряд важных моментов относительно рынка электронных денег и моделей работы компаний на этом рынке, а именно:

- 1) определение электронных денег и процедуры их перевода, а также требования к небанковским кредитным институтам (операторов электронных денег) относительно их перевода;

2) установление механизмов взаимодействия между компаниями мобильной связи и операторами электронных денег.

Электронное платежное средство в данном законе определяется, как средство или способ движения денежных средств в виде безналичных расчетов с использованием информационно-коммуникационных технологий, электронных носителей информации (в том числе платежных карт), а также других платежных устройств. Таким образом, данная концепция предусматривает максимальное обособление электронных денег от нормативного поля, в котором функционируют традиционные фидуциарные деньги в рамках банковской системы.

Главным новшеством данного закона стало предоставление права осуществлять эмиссию и операции с электронными деньгами так называемым «небанковским кредитным организациям», что таким образом открыло рынок электронных денег для небанковских финансовых компаний, которые ранее осуществляли эмиссию электронных денег, используя различные юридические схемы. Кроме того, закон определил понятие «оператора электронных денежных средств» (п. 1 ст. 12 Закона), согласно которому право эмитировать обязательства по электронным денежным средствам и осуществлять их движение без открытия банковских счетов получили кредитные учреждения и небанковские кредитные организации. Эта норма урегулировала деятельность операторов электронных денег, работавших за пределами банков, и ввела для них упрощенный регуляторный режим.

Другим важным законодательным актом в этой сфере является Федеральный Закон «О платежных агентах», принятый в 2010 г. Он ввел новый тип юридического лица, а именно – «платежного агента», который может предлагать своим клиентам, особенно в сельской местности, осуществлять платежи через платежную инфраструктуру, которая находится за пределами банковской системы. Считалось, что такое законодательство станет основой для инновационных решений в сфере розничных платежей, поскольку оно создает четкую юридическую основу для появления и деятельности нового игрока на рынке.

В настоящее время согласно статистическим данным Банка России, в стране наблюдается тенденция значительного роста количества операций с использованием электронных денег и увеличение доли подобных расчетов в общем объеме безналичных расчетов. Это привело к снижению доли расчетов с использованием платежных поручений в общем объеме безналичных расчетов, несмотря на зафиксированное ежегодное увеличение их количества [4].

Статистика по платежным системам стран – участниц Евразийского экономического сообщества расчеты электронными деньгами

не выделяет. Несмотря на наличие законодательной базы, уровень развития и использования этого инструмента в Беларуси, Кыргызстане, Армении и Казахстане находится пока еще на невысоком уровне.

Проблема создания коллективной валюты стоит и перед странами евразийского пространства. Во всех решениях финансовых властей этих стран подчеркивается необходимость использования национальных валют для взаимодействия между странами этого Союза. В настоящее время идет проработка о введении в ЕАЭС (Россия, Беларусь, Казахстан, Армения, а в потом и Кыргызстан) единой валюты.

С образованием в 2015 г. Евроазиатского экономического союза (ЕАЭС) встал вопрос о создании базовой валюты объединения. Вопрос о том, какая именно валюта ЕАЭС должна будет введена в качестве единой, до сих пор остается открытым. Среди возможных вариантов можно рассматривать использование российского рубля, как наиболее сильной валюты в данном регионе, либо создание новой валюты.

Некоторые экономисты полагают, что в качестве одного из основных вариантов коллективной валюты могут стать электронные деньги. Так, Т. Г. Ильина считает, что в качестве такой коллективной валюты может стать один из наиболее прогрессивных и интересных видов современных электронных денег – криптовалюта [1].

Криптовалюту относят к новому виду электронных денег, эмиссия и учет которой происходят автоматически на основе криптографических методов или на основе генерации численных кодов и алгоритмов [5: 132]. В настоящее время криптовалюта не имеет обеспечения ни реальными законными деньгами, ни драгоценными металлами, ни каким-либо другим видом товара, а также по ней отсутствуют юридически обязанные субъекты [4]. Необходимо отметить о том, что отсутствие обеспечения влечет за собой сильную волатильность курса валюты, который определяется не ее покупательной способностью, а спросом на нее [3: 60]. Ценность криптовалют базируется на экономическом ожидании, а не на наличии реальных активов, но нет такого института, который мог бы единолично повлиять на ее основные характеристики: темпы эмиссии и курс. Эмитентом криптовалюты является не конкретное лицо или организация, а участники самой системы. Гарантом надежности цифровой платежной системы служит только стойкая криптография [2: 114].

Среди преимуществ электронных денег Т. Г. Ильина выделяет удобство расчетов, контроль потоков, дистанционную форму и быстроту операций, защищенность от инфляции и возможность децентрализации эмиссии. Минусы – тотальный контроль за дохода-

ми, расходами и местонахождением любого человека, технические сбои в работе системы, киберпреступность и др. [1].

Здесь ключевым вопросом является вопрос доверия к криптовалюте. Он должен обеспечиваться регулятором и рынком. При этом наиболее рискованные виды деятельности с криптовалютами нужно сделать лицензируемыми и налогооблагаемыми, ввести криптографическую идентификацию, сформировать единую сетевую базу легально работающих организаций и их кошельков, разработать систему защиты клиентов от кибермошенничества. Т. Г. Ильина делает вывод о том, что распространение криптовалют на территории стран ЕАЭС вполне вероятно, однако прогнозирует одновременное развитие и других форм и видов денег, а также платежных инструментов в силу наметившихся процессов децентрализации и диверсификации в этой сфере – сочетания государственных и частных, бумажных, кредитных и виртуальных, наличных и безналичных, и даже появлению бартерных систем – без денег.

Таким образом, международный опыт свидетельствует, что развитие электронных платежей и, в частности, электронных денег способствует уменьшению затрат на наличный оборот и ускорению экономического роста. Электронные деньги также могут способствовать развитию новых секторов экономики и электронной коммерции. Однако развитие рынка электронных денег в значительной степени зависит от нормативно-правового регулирования. Внедрение инноваций в сфере электронных платежей может стать невозможным, если соответствующие нормы регулирования не являются достаточно гибкими.

Использованная литература:

1. *Ильина Т. Г.* Электронная валюта – теоретико-методологические характеристики и возможности использования в ЕАЭС // Электронная валюта в свете современных правовых и экономических вызовов: Сб. материалов международной научно-практической конференции. – 2016. – С. 324–341.
2. *Роббек А. Е.* Bitcoin как явление в мировой экономике // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. – 2014. – Т. 11. – №6. – С. 114–118.
3. *Трифонов А. Э.* Управление рисками электронных денег // Страховое право. – 2015. – №1(64). – С. 57–80.
4. Центральный банк Российской Федерации. Информация об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн // http://www.cbr.ru/press/PR.aspx?file=27012014_1825052.htm/.
5. *Чеботарева Н. В.* Систематизация и развитие теоретических подходов к сущности электронных денег // Гуманитарные и социально-экономические науки. – 2014. – №3. – С. 129–133.

Х. Республика Таджикистан

в процессах евразийской интеграции

Республика Таджикистан по географическим меркам – маленькая горная страна в предгорьях Памира, с территорией чуть больше 143 кв. км, большую часть которой (93 %) занимают горы, что наложило особый отпечаток на экономическое развитие страны. Не имея достаточного количества пахотных земель, Республика не имеет и возможностей самостоятельно обеспечивать себя продовольствием и многими жизненно важными товарами. С другой стороны, богатые водные ресурсы, полезные ископаемые, удобное транзитное положение позволяет небольшой стране оставаться в орбите внимания важных мировых игроков.

После обретения независимости в 1991 г. появилась необходимость в создании новых государственных институтов власти и управления. За 25 лет независимого существования в республике удалось выстроить свою политическую систему, основанную на жесткой централизации власти в руках одной правящей партии. Практически все руководящие посты в законодательной и исполнительной власти занимают представители Народно-демократической партии Таджикистана (НДПТ), созданной в 1994 г. под руководством Президента РТ Э. Рахмона.

Медленнее, чем хотелось бы народу и правящей партии, преодолеваемая внешние и внутренние противоречия, страна движется курсом рыночных реформ.

Анализ состояния экономики Таджикистана за годы независимого существования показывает, что её структура, безусловно, претерпела изменения, но оказалась недостаточно жизнеспособной и неэффективной и продолжает оставаться одной из самых слабых экономик в регионе.

Вместе с тем нельзя не отметить растущий в последние годы ВВП, особенно на фоне соседей по СНГ, у которых в силу объективных причин и влияния внешних факторов в годовом рейтинге расчетного индекса ВВП за IV квартал с IV квартала 2015 г. по III квартал 2016 г. в тройке отстающих оказались Россия, Беларусь и Азербайджан³⁴.

³⁴ Динамика ВВП стран СНГ и Восточной Европы. III квартал 2016 г. // <http://www.e-cis.info/news.php?id=15573>.

Республике Таджикистан в некоторой степени с помощью внешней помощи удалось заметно адаптировать транспортную сеть к новым реалиям, а развитие мобильной связи и Интернета вывело страну из коммуникационной изоляции. Транспорт и связь до последнего времени относятся к наиболее динамичным сферам экономики. Их доля в номинальном ВВП страны за 2000–2014 гг. выросла с 4,7 до 13,2 %. Показатели за 2015–2016 гг., по данным Агентства по статистике при Президенте Республики Таджикистан, снизились³⁵.

В результате строительства мостов, круглогодичных тоннелей и развития соответствующей дорожной сети Таджикистан постепенно превращается в один из транспортных коридоров регионального значения, связывающий Китай и Афганистан со странами Центральной Азии. Эта линия будет продолжена и дальше, что подтверждается «Национальной стратегией развития Республики Таджикистан на период до 2030 г.», принятой в 2016 г. В ней заложены четыре стратегии, в том числе предложения по дальнейшему выводу страны из коммуникационного тупика и превращения в транзитную страну.

Благодаря иностранному содействию, удалось объединить высоковольтные энергосистемы севера и юга страны современными линиями электропередач, но проблема дефицита электроэнергии, особенно в зимнее время, пока не решена. Большое внимание в последние годы уделяется развитию сети железных дорог. Однако этому препятствует низкое качество логистических услуг. По Индексу эффективности логистики LPI (Logistics Performance Index) за 2016 г., из 160 стран Таджикистан занимает 153-е место³⁶.

По экономической модели Таджикистан можно отнести к странам, экономическое развитие которых сильно зависит от трудовых миграций так называемого «миграционного типа», с аграрно-сервисным типом экономики. В условиях дефицита финансовых средств для реформирования и поднятия экономики на новый уровень, Таджикистан проводил и проводит политику «открытых дверей». Устанавливая связи со странами Востока и Запада, страна ориентируется на укрепление имеющихся отношений, при этом продолжая искать финансовую поддержку у влиятельных стран и международных организаций. Попытки проводить политику многовекторности часто происходят в режиме «ручного управления» и зависят от конкретной ситуации и конкретных стран. Скорее это вынужденная позиция, которая отражает сильную зависимость Таджикистана от внешней финансовой и гуманитарной помощи, конъюнктуры

³⁵ <http://www.stat.tj/ru/macroeconomic-indicators/>.

³⁶ Trade Logistics improving in developing countries, but more needs to be done // https://wb-lpi-media.s3.amazonaws.com/LPI_Report_2016.pdf.

рынка, экономической политики развитых стран, иностранных инвестиций³⁷.

Внешнеполитические ориентиры на разных этапах развития Республики Таджикистан в первую очередь базировались на установлении отношений с сильными, богатыми и развитыми странами. Тем не менее внешнеэкономическая стратегия страны формировалась под влиянием членства в основном в евразийских проектах. Несмотря на разный экономический уровень и неодинаковые политические условия.

Известно, что взаимодействие в рамках региональных организаций позволяет решать вопросы, которые в более широком составе затруднительно даже обсуждать. В разные годы на постсоветском пространстве появились интеграционные объединения, такие, как СНГ, Союзное государство, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС, ТС, ЕАЭС. В настоящее время, из всех вышеперечисленных организаций, не считая Союзного государства, Таджикистан не входит только в ЕАЭС.

Заинтересованность в более тесной интеграции в разных форматах у Таджикистана была всегда, он был единственным, кто до последнего держался в рублевой зоне после распада СССР, в надежде на вступление в первый Таможенный союз, и руководство Республики об этом неоднократно заявляло.

Поэтому, говоря о роли Таджикистана в процессах евразийской интеграции, можно сказать, что он практически всегда одним из первых становился членом таких объединений. Исходя из этих параметров, он автоматически становится очередным кандидатом на вступление в ЕАЭС, тем более, что начало было положено в ЕврАзЭС, членом и даже основателем которого он являлся, но с заявкой Таджикистан теперь не торопится. Изучая опыт соседнего Кыргызстана, которая по экономическим и отчасти географическим показателям и уровню человеческого развития схожа с РТ.

Целесообразность быстрого расширения ЕАЭС за счет новых членов вызывает много вопросов и у российских и у таджикских экспертов. ЕАЭС переживает не самое лучшее время и присоединение еще одной экономически слабой страны повлечет за собой существенные финансовые издержки для членов ЕАЭС. Так же как и для Таджикистана в случае вступления в ЕАЭС, будут введены единые тарифные ставки, что повлечет за собой увеличение потерь потребителей, так как рынок страны насыщен в основном импортными товарами. Поэтому потребители будут вынуждены платить больше.

³⁷ Дадабаева З. А. Потенциал и перспективы вступления Республики Таджикистан в евразийский экономический союз // Экономическое взаимодействие стран – членов СНГ в контексте Евразийского интеграционного проекта: Сб. научн. статей / Отв. ред. Л. Б. Вардомский, А. Г. Пылин. – М.: ИЭ РАН, 2015. – С. 254.

Вместе с тем, с точки зрения экономической целесообразности, такое вступление принесёт больше пользы именно для Таджикистана, позиции которого на постсоветском пространстве показывают, что за годы независимости он находился в тесном сотрудничестве с двумя основными партнерами ЕАЭС – Россией и Казахстаном. Структура торговли с этими странами основана на импорте продукции, без которой сложно осуществить провозглашенный Республикой курс на индустриализацию.

Возможное присоединение Таджикистана к ЕАЭС поможет решить ряд очень существенных для небольшой и экономически слабой страны проблем, касающихся не только обеспечения военной и политической безопасности, но и позволит правильно использовать его природные и сырьевые ресурсы, обеспечит экономическую стабильность, в первую очередь за счет смягчения условий пребывания трудовых мигрантов и как следствие, увеличения денежных переводов.

К плюсам интеграции в рамках ЕАЭС можно отнести следующее.

1. Возможности по сокращению внутренней безработицы и решению демографических проблем. В 2015 г. 19 % от общей численности населения составляли молодые люди 20–30 лет. С 1999 г. наблюдался рост на 4 %. Для сравнения можно увидеть аналогичные показатели в 2015 г. в странах ЕАЭС: в России это около 14 %, в Казахстане – 17 %, в Беларуси – около 15 %. По официальным данным, количество безработных, зарегистрированных в службах занятости, небольшое и составляло в 2014 г. – 56 тыс. человек (в возрасте от 18 до 29 лет – 30,6 %). 2015 г. – 57 тыс. человек (в возрасте от 18 до 29 лет – 31 %). При этом значительная часть населения официально не состоит на Бирже труда, а занято частным предпринимательством. С 1995 г. численность работников не по найму – 31,0 % увеличилась до 53,4 % в 2014 г.³⁸

2. Получение возможностей свободного передвижения рабочей силы. В частности, преференциальное отношение к киргизским трудовым мигрантам даёт основание думать об аналогичных условиях для таджикских трудовых мигрантов, общая численность которых в России по разным данным составляет от 500 тыс. до 1 млн человек.

3. Привлечение в страну надёжных региональных инвесторов, в первую очередь российских и казахских, нацеленных на развитие реального сектора экономики республики, что приведет к росту производства и увеличению экспорта товаров.

³⁸ Социально-экономическое положение Республики Таджикистан. Январь – декабрь 2015 г. / Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан. – Душанбе, 2016. – С. 217.

4. Отсутствие таможенных барьеров при экспорте сельхозпродукции, свободный импорт ключевых товаров из России, Казахстана и Беларуси.

5. Плюсами можно также считать снижение потерь от введения запрета на экспорт топлива и продовольствия.

6. Участие в ЕАЭС позволит увеличить экспорт сельскохозяйственной продукции республики в страны союза и сократит таможенные издержки при пересечении экспортными товарами нескольких границ.

7. У Таджикистана появится возможность стать транзитным транспортным узлом, соединяющим страны Центральной Азии и СНГ с Юго-Восточной Азией и выйти к международным торговым путям.

8. Не менее важна скоординированная, но разумная протекционистская политика по отношению к собственным производителям, что весьма актуально в условиях европейских санкций против России. Общий рынок стран ЕАЭС и в перспективе Таджикистана имеет все шансы по увеличению занятости населения, росту собственного производства, развитию сельского хозяйства.

Минусы интеграции для Таджикистана состоят:

а) в возможном росте цен на сельхозпродукцию;

б) в сокращении реэкспорта китайских и турецких товаров (основных источников дохода мелких предпринимателей);

в) болевой точкой может стать заметное сокращение донорской помощи от международных организаций и инвестиций из других стран, и особенно со стороны Китая. Например, в 2007–2015 гг. от КНР поступили инвестиции на сумму 1 млрд 449,4 долл. По вложенным средствам на протяжении последних нескольких лет он находится на втором после России месте, из которой за этот же период поступил 1 млрд 400,7 долл.³⁹;

г) в росте цен на автотранспортные средства (как это произошло в Беларуси и Казахстане);

д) в сокращении объема торговли на внутренних рынках (из-за низкой конкурентоспособности местных производителей), как результат – сокращение рабочих мест и увеличение безработицы;

е) возможны потери от таможенных пошлин – одного из источников пополнения бюджета страны;

ж) сокращение объема торговли на внутренних рынках (из-за низкой конкурентоспособности местных производителей), как результат – сокращение рабочих мест и увеличение безработицы.

³⁹ Аналитические данные о притоке иностранных инвестиций в экономику Республики Таджикистан в период 2007–2015 гг. // http://gki.tj/ru/nvestitsii_v_rt/nformatsiya_i_statistika/analiz_/.

Говоря о возможном присоединении Таджикистана к ЕАЭС, следует обратить внимание на то, чем же он может быть полезен ЕАЭС, кроме явной политической составляющей и роли ключевого игрока в обеспечении безопасности в регионе. Одной из приоритетных форм интеграции является углубление международного разделения труда, специализация и кооперирование производства на основе разработки совместных программ по структурной перестройке отраслей экономики. Например, Таджикистан мог бы специализироваться в выработке электроэнергии, производстве алюминия, цветных и редкоземельных металлов, продукции агропромышленного комплекса, ряда производств машиностроения. Он может стать одним из главных источников чистой питьевой воды, а также воды для ирригации во всём регионе Центральной Азии.

Главные задачи, которые стоят перед страной в ближайшие годы, связаны с сохранением устойчивости национальной финансовой системы, завершением создания национальной энергетической системы, расширением межрегиональных экономических связей, увеличением экспортной базы за счет производств с высокой степенью обработки. Это, прежде всего, швейная, пищевая промышленность, производство строительных материалов. Кроме того, для повышения доходов в сельской местности, где все еще проживает 70 % населения, необходимо расширение экспорта продукции растениеводства.

Для этих производств нужны внешние рынки, которые удобнее формировать в рамках ЕАЭС, расширяя сотрудничество со странами – членами этого интеграционного объединения. Постепенная интеграция в ЕАЭС должна сочетаться с наращиванием сотрудничества по другим внешнеэкономическим векторам, прежде всего, региональным. Именно в Таджикистане могут хорошо сочетаться проекты ЕАЭС и Экономического пояса Шелкового пути. Поэтому, предстоящие годы будут довольно сложными для развития страны, но в то же время они будут создавать и новые возможности для развития.

XI. Перспективы участия новых государств постсоветского пространства в процессах евразийской интеграции

Распад СССР в 1991 г. выступил не только «крупнейшей геополитической ошибкой XX в.», но и запустил систему «парада суверенитетов», который не прекращен и сегодня. Образование 15 республик, определивших для себя различные геополитические приоритеты, повлекло за собой желание многих народов воспользоваться правом нации на самоопределение. Следствием его реализации стало объявление о независимости ряда государственных образований, непризнанных другими государствами бывшего СССР. И если в 2008 г. Российская Федерация признала независимость Республики Абхазия и Республики Южная Осетия – Алания, то это не решило вопроса с такими сформировавшимися субъектами международных отношений, как Приднестровская Молдавская Республика, Донецкая народная Республика, Луганская народная Республика. Открытым остается и вопрос их интеграции в совместные проекты государств постсоветского пространства, в том числе и Евразийский экономический союз (ЕАЭС).

Говоря о перспективах интеграции в ЕАЭС непризнанных или признанных лишь одним государством – членом ЕАЭС государств, следует отметить, что их пути индивидуальны и какой-то универсальной модели не существует.

Путь евразийской интеграции для Приднестровья сегодня определяется политической повесткой дня не только официального Тирасполя, но и официального Кишинева. Избрание президентом Молдавии И. Додона привело к переориентации геополитического вектора республики в сторону Российской Федерации. Молдавия получила статус наблюдателя при ЕАЭС, а 9 мая 2017 г. И. Додон принимал участие в праздновании Дня Победы в Москве. В то же время новый молдавский президент настроен на сближение с Приднестровьем и решение «замороженного» конфликта мирным путем. Ряд встреч И. Додона с В. Красносельским определили точки сбли-

жения Тирасполя и Кишинева в сфере экономики. Вопрос политической интеграции остается в настоящее время открытым, хотя И. Додоном было сделано предложение о представительстве Приднестровья в молдавском парламенте. Формат федеративного пути, по которому пошла Гагаузия в отношениях с Кишиневом, в настоящее время не приемлем для Тирасполя. Хотя в сложившейся ситуации последнее слово останется за Москвой, которая видит евразийскую интеграцию Молдавии и Приднестровья логичным продолжением при разрешении межгосударственного конфликта.

Путь интеграции для Абхазии и Южной Осетии – Алании в ЕАЭС напрямую связан с процессом их интеграции в российское политическое, правовое и экономическое поле. В настоящее время Российская Федерация выступает единственным членом ЕАЭС, признавшим их независимость. Ни Минск, ни Астана, ни Бишкек или Ереван в настоящее время не предпринимают шагов на пути к признанию их суверенного статуса. Однако Москва реализовала ряд шагов в сферах военной, социальной, экономической, направленных на повышение уровня жизни в молодых кавказских республиках до уровня в Южном и Северо-Кавказском федеральных округах. Кроме того, силен здесь и этнокультурный компонент: на территории Абхазии ведет свою работу Кубанское войсковое казачье общество, а абхазы относятся к черкесским народам, живущим на территории российского Кавказа. Южная Осетия – Алания не только ощущает свое этническое единство с народом Северной Осетии – Алании, но и провела соответствующий референдум, на основании которого было изменено название Республики.

Путь в ЕАЭС для Донецкой и Луганской народных Республик в настоящее время носит стратегический для Республик Донбасса характер. А. Захарченко и И. Плотницкий неоднократно заявляли о желании народа Донбасса стать частью евразийской семьи и войти в состав Российской Федерации. На наш взгляд, одним из путей реализации данной цели выступает возобновление работы созданного в 2010 г. еврорегиона Донбасс⁴⁰. Это трансграничное образование обладает не только общей исторической судьбой его участников, но и реализовывало ряд экономических, экологических и социокультурных проектов. После государственного переворота в Киеве в 2014 г. Украина «заморозила» приграничное сотрудничество с Российской Федерацией. Однако ДНР и ЛНР, объявившие о своем суверенитете могут воспользоваться появившейся лакунной и выступить правопреемниками Луганской и Донецкой областей, вошед-

⁴⁰ Бредихин А. В. История российско-украинского сотрудничества (на примере еврорегиона Донбасс): Автореферат дисс. на соискание ученой степени к. ист. н. – М., 2016. – 23 с.

ших в число учредителей еврорегиона Донбасс. Подобный шаг пересекается с позицией официального Киева и Минских соглашений в вопросе признания Донецкой и Луганской народных Республик в качестве Отдельных районов Донецкой и Луганской областей, обладающих особым статусом. Однако с такой характеристикой не согласны Донецк и Луганск, настаивающие на государственном суверенитете ДНР и ЛНР, что подкреплено волеизъявлением народа Донбасса на референдуме 2014 г. Участие ДНР и ЛНР в работе еврорегиона Донбасс позволило бы по формату Европейского союза применить инструмент трансграничной интеграции при расширении ЕАЭС и вовлечению в его проекты непризнанных государств.

Как видим, пути интеграции непризнанных или признанных лишь одним государством – членом ЕАЭС государств в евразийской интеграционном поле не обладают однородностью. В то же время, если для одних вступление в ЕАЭС идет совместно с процессом международного признания, то для других ЕАЭС можно рассматривать как сопутствующий интеграционный проект по вхождению новых государств постсоветского пространства в состав Российской Федерации, что, например, и сделали Республика Крым и Севастополь в 2014 г.

XII. Миграционные процессы и развитие регионального сотрудничества в контексте евразийской интеграции

Проблемы и перспективы евразийской интеграции представляются достаточно актуальными в контексте современных геополитических и геоэкономических реалий, а также в контексте различных аспектов безопасности.

Важным фактором, влияющим на интеграционные процессы и развитие альтернативных сценариев безопасности по периметру границ Евразийского пространства, является начало функционирования Евразийского экономического союза.

Следует отметить, что важную роль в процессе интеграции играют миграционные процессы в силу различных аспектов. В частности, очень важным является начало функционирования с 1 января 2015 г. на территориях стран – членов Союза общего рынка труда, посредством чего реализуется свобода передвижения рабочей силы⁴¹. Это определенный вклад в развитие единого рынка труда на данном пространстве и в процесс легализации трудовых мигрантов, а также вклад в развитие региона в социальном и экономическом плане. Опыт наиболее успешных интеграционных образований показывает, что именно миграционная составляющая является приоритетным аспектом интеграционных процессов.

Развитие сотрудничества в области регулирования миграционных процессов в формате ЕАЭС имеет значительный потенциал и реальные перспективы.

Данная сфера регулируется разделом XXVI «Трудовая миграция» Договора о ЕАЭС. Разделом предусмотрено сразу несколько норм, направленных на развитие устойчивого рынка труда и предусмат-

⁴¹ Евразийский экономический союз // <http://www.eaeunion.org/#about>]>>. Дата обращения: 5 января 2016 г.

ривающих социально-правовое обеспечение трудовых мигрантов (ст. 96–98)⁴².

Договор дает целый ряд преимуществ трудовым мигрантам, включая действие национального режима, период пребывания и социальные гарантии, в том числе и трансфер пенсий, признание дипломов об образовании в отдельных сферах.

Наряду с этим следует отметить и целый ряд сложностей на пути укрепления сотрудничества в сфере миграции:

- вместе с тем, что в ЕАЭС представлены две страны, которые являются центрами приема мигрантов на Евразийском пространстве – Россия и Казахстан, в нём отсутствуют две большие страны в плане исхода мигрантов – Таджикистан и Узбекистан, но они являются потенциальными членами;
- взаимодействие между ответственными департаментами и агентствами недостаточно хорошо скоординировано;
- эксперты пессимистично оценивают экономические выгоды Союза (в том числе и для миграционных потоков и самих мигрантов);
- одной из серьезных проблем остается сбор, обмен и анализ данных.

Однако функционирование ЕАЭС и начало свободного рабочего движения – серьезный шаг вперед, как в плане создания эффективного механизма регулирования миграции на Евразийском пространстве, так и для усиления интеграции.

С усилением мобильности населения, в частности трудовой миграции, укрепляется сотрудничество в сфере транспортных сообщений, мобильной связи, взаимодействие в отдельных отраслях банковской системы. Процесс миграции трудовых ресурсов также способствует сближению культурных ценностей, укрепляет взаимоотношения на всех уровнях взаимодействия.

Создание общего рынка труда и привлечение трудовых ресурсов в рамках ЕАЭС может послужить мощным стимулом для усиления приоритетных направлений экономик стран и углубления региональной интеграции. Необходимым представляется формирование гибкой и сбалансированной миграционной политики с учетом специфики демографического потенциала и развития приоритетных отраслей экономики в рамках Союза.

Очень важным является устойчивость, безопасность и регулируемость миграционных потоков, основанных на более интегрированном сотрудничестве всех государств – членов как внутри ЕАЭС,

⁴² Договор о Евразийском экономическом союзе. Подписан в г. Астане 29 мая 2014 г. (ред. от 10 октября 2014 г., с изм. от 8 мая 2015 г.) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_163855>>. Дата обращения: 8 января 2017 г.

так и по всему периметру его границ. Но это осложняется неурегулированным статусом мигрантов, тяжелыми условиями их труда, что усугубляет негативные последствия миграции в регионе.

С целью ослабления негативных эффектов представляется важным разработать многоуровневый и гибкий подход к регулированию миграционных потоков. Это необходимо в силу нескоординированной миграционной политики государств, несоответствия национального законодательства международным нормам, отсутствия регионального подхода и единого банка данных по мигрантам.

В данный процесс необходимо вовлечь все подотчетные ведомства, работа которых в данный момент недостаточно скоординирована, а также академическое сообщество, заинтересованное в глубоком исследовании данной проблематики.

Взвешенные подходы, углубление сотрудничества в сфере миграции и развитие эффективных механизмов взаимодействия позволят целостно оценить ситуацию и усилить позитивные эффекты миграции, что может способствовать успешной интеграции на Евразийском пространстве.

XIII. Качество жизни старшего поколения в Кыргызстане после вступления в ЕАЭС

С периода подписания документа о вступлении Кыргызстана в Евразийский экономический союз прошло два года (21 мая 2015 г.). В настоящее время внимание многих исследователей и практиков обращено к социально-экономическим последствиям вступления Кыргызской Республики в интеграционный проект, отразившимся на всем населении, в том числе на социально уязвимых слоях. В составе последней группы, как и во многих странах мирового пространства, пребывает старшее поколение, численность которого от общей численности населения составляет 7,5 % [4].

Анализируя отдельные показатели качества жизни старшего поколения, материальную обеспеченность (доступность достаточного уровня дохода для пенсионеров и способность его самостоятельного применения для удовлетворения основных своих потребностей); состояние здоровья (риск плохого состояния здоровья и инвалидности, продолжительность жизни после 60 лет, психическое благополучие); образование и занятость; благоприятные условия (социальные связи, физическая безопасность, гражданские свободы и доступ к общественному транспорту), мы попытались ответить на вопросы: «Каковы отрицательные и/или положительные результаты данного шага для обозначенной группы лиц?»; «Как изменилось качество жизни населения третьего возраста Кыргызстана после вступления в ЕАЭС?». Перечисленные группы показателей определены самими пенсионерами и политиками как ключевые составляющие их благополучия.

Вступление Кыргызстана в ЕАЭС совпало с периодом переживания мирового экономического кризиса, что отразилось на резком росте цен и курса доллара, а в сентябре 2015 г. киргизский сом обесценился на 26 %, по сравнению с его значением в 2014 г. По данным Национального банка Кыргызской Республики, в январе – феврале 2016 г. по сравнению с январем – февралем 2015 г. наблюдался рост официального курса доллара США на 25,2 %, евро – на 19,2 %, российского рубля – на 3,5 %, узбекского сума – на 7,9 %. Однако в январе – феврале 2017 г. по сравнению с январем – февралем 2016 г. наблюда-

лось снижение официального курса доллара США на 8,0 %, евро – на 10,9 % и узбекского сума – на 20,6 %. При этом отмечался рост курса российского рубля на 19,4 % и казахского тенге на 1,8 % [1], [2].

В январе 2016 г. по сравнению с январем 2015 г. отмечено значительное повышение средних фактических импортных цен на овощи в 1,8 раза, муку пшеничную на 42,9 %, чай в 1,6 раза, фармацевтическую продукцию в 1,7 раза. Повышение цен коснулось непродовольственных товаров, услуг связи, амбулаторных и ритуальных услуг. Наряду с этим объективно отметить снижение импортных цен на растительные масла на 47,7 %, рис на 38,2 % [1], [2].

В январе 2017 г. по сравнению с январем 2016 г. отмечено значительное повышение средних фактических импортных цен на овощи в 1,5 раза, мыло, моющие и полирующие препараты на 24 %. Важно подчеркнуть негативное отражение указанных фактов на социально-психическом, физическом здоровье рассматриваемой группы лиц, что является одним из ключевых составляющих качества жизни. Необходимо признать, что более глубокий анализ состояния здоровья пенсионеров не представился возможным ввиду отсутствия необходимого материала в средствах массовой информации на период, обозначенный в исследовании. Однако мы полагаем, что при выросших на медикаменты ценах в 4,1 раза, предположение об ухудшении здоровья рассматриваемой группы лиц вполне закономерно. Не претерпели изменений сферы образования и занятости пенсионеров. Недостаток экономических ресурсов в Кыргызстане не позволяет организовывать и развивать бесплатное предоставление образовательных услуг для данной категории граждан. Проблематичным, по мнению исследователей, остается вопрос о сохранении работающими своего рабочего места при переходе в статус пенсионера [3: 450].

Подсчеты размеров прожиточного минимума, проведенные в сентябре 2016 г., позволяют констатировать их снижение в сравнении с периодом 2015 г., несмотря на меры, направленные на увеличение заработной платы и размеров пенсий. Возможно, данное снижение объясняется коррекцией прежнего расчета прожиточного минимума, когда на 28 июля 2016 г. при прожиточном минимуме в 54 долл. размер средней пенсии составлял 49долл. [4].

В настоящее время средний размер пенсии по республике составил 5 173 сомов. Однако, по данным первого заместителя председателя Социального фонда М. Ирсадиева, из 614 тыс. пенсионеров 42 % получают пенсии ниже прожиточного минимума. В количественном эквиваленте это 259 тыс. пожилых людей [5]. При этом необходимо признать, что вопросы низкого качества жизни пенсионеров были актуальными и до вступления Кыргызстана в ЕАЭС.

Анализ вопроса, касающегося личной безопасности представителей пенсионного возраста как компонента благоприятных условий, а соответственно и критерия качества жизни, позволяет сделать следующие выводы. С момента вступления в ЕАЭС, по данным МВД Кыргызской Республики, в январе – феврале 2017 г. наблюдалось снижение показателей преступности, несмотря на общее снижение показателей преступности, отмечен рост показателей семейного насилия – всего 1 192 случая (на 38 случаев больше в сравнении с аналогичным периодом 2016 г.). При этом лиц, совершивших семейное насилие в пенсионном возрасте, оказалось 50 человек (на один случай меньше показателя за аналогичный период 2016 г.), и 98 человек данной возрастной категории оказались жертвами данного вида насилия, что на 66 человек больше в сравнении с данными аналогичного периода 2016 г. Отметим, что с января по февраль 2017 г. основной контингент насильников составляют мужчины-пенсионеры (46 мужчин), тогда как за аналогичный период 2016 г. основным контингентом, совершившим семейное насилие, были женщины (44). Преобладающий коэффициент женщин – жертв насилия при этом вырос на 51 случаев (табл. 1).

Таблица 1

Число лиц пенсионного возраста, совершивших семейное насилие и пострадавших от него за 2016, 2017 гг.

Годы (с января по февраль)	Число лиц, совершивших семейное насилие		Число лиц, пострадавших от семейного насилия	
	Мужчины	Женщины	Мужчины	Женщины
2016	7	44	1	31
2017	46	4	16	82

О положительных изменениях вступления Кыргызстана в интеграционный проект следует отнести заявление члена Евразийской экономической комиссии Т. Валовой о росте рейтинга стран, вошедших в ЕАЭС в международных рейтингах – «среднеарифметический рейтинг Армении, Беларуси и Казахстана, Кыргызстана и России к 2016 г. в сравнении с 2011 г. поднялся со 108-й позиции до 63-й, почти в два раза» [6]. Однако для заявления о повышении рейтинга качества жизни пожилых людей в Кыргызстане с момента его вступления в ЕАЭС пока еще нет оснований.

Таким образом, подводя итоги заявленной теме, отметим, что нельзя делать окончательные выводы относительно положительных или отрицательных последствий вступления в ЕАЭС Кыргызстана для жизнедеятельности старшего поколения страны. Качество жизни старшего поколения в стране не претерпело кардинальных изменений ни в сторону его ухудшения, ни в сторону его улучшения.

Использованная литература:

1. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Январь – февраль, 2017 г., Бишкек. – 116 с. // <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/cb39582a-686c-4ebf-97ea-cb459347a663.pdf>. Дата обращения: 11 апреля 2017 г.
2. Социально-экономическое положение Кыргызской Республики. Январь – февраль, 2016 г., Бишкек. – 116 с. // <http://www.stat.kg/media/publicationarchive/d6e84a59-b9bd-4fa2-ab0a-6cde7c000859.pdf>. Дата обращения: 11 апреля 2017 г.
3. Турдубаева Э. К. Проблемы и перспективы развития университетов третьего возраста в Кыргызстане // Canadian Journal of Education and Engineering. – 2015. – № 2(12). – С. 446–451.
4. Средний размер пенсии в Кыргызстане увеличится на 420 сомов // Sputnik Кыргызстан // <http://ru.sputnik.kg/Kyrgyzstan/20160926/1029393004/pensiya-uvlichitsya-na-420-somov.html>. Дата обращения: 19 октября 2016 г.
5. В Кыргызстане 259 тыс. пенсионеров получают пенсию ниже прожиточного минимума // Вечерний Бишкек // http://www.vb.kg/doc/354552_vk_259_tysiach_pensionerov_polychaut_pensiu_nije_projitochnogo_minimума.html. Дата обращения: 12 апреля 2017 г.
6. Новикова О. Кыргызстан улучшил позиции в международных экономических рейтингах после вступления в ЕАЭС // Информационное агентство Евразийского союза Rus.kg // http://rus.kg/news_rus/vmire_rus/43161-kyrgyzstan-uluchshil-pozicii-v-mezhdunarodnyh-ekonomicheskikh-reytingah-posle-vstupleniya-v-eaes.html. Дата обращения: 12 октября 2016 г.

XIV. Плюсы участия Кыргызстана в евразийской интеграции

К плюсам от вхождения Кыргызской Республики в ЕАЭС можно отнести:

1) более 700 тыс. граждан Кыргызстана (трудовых мигрантов) в Российской Федерации и Казахстане получили статус трудящихся и были освобождены от постановки на учет и регистрации в течение трех дней, сдачи экзаменов на знание русского языка, покупки патентов на право трудовой деятельности, покупки медицинского и страхового полиса, ограничения передвижения по территории стран ЕАЭС.

Сегодня в ЕАЭС признаются абсолютно все документы об образовании (высшее, среднее, специальное и др.), более 30% наших граждан-трудящихся работают по специальности (врачи, учителя, социальные работники, в сфере транспортных коммуникаций, на руководящих должностях в строительстве, в правоохранительных органах и т. д.). Они пользуются абсолютно всеми правами граждан ЕАЭС, за исключением участия в выборных процессах. Количество трудящихся из Кыргызстана в странах ЕАЭС увеличилось за последний год на 7 %, более 80 % из 120 тыс. бывших мигрантов, попавших в «черный список», амнистированы, по остальным продолжается работа по реабилитации. Суммы денежных средств, перечисляемых трудящимися в Кыргызстан увеличились за год на 200 млн долл. США и составили около 2 млрд долл.;

2) сняты все таможенные барьеры и препятствия по свободному передвижению товаров в страны ЕАЭС. За год экспорт товаров текстильной отрасли увеличился на 38 %, сельского хозяйства – на 26 %, в 2,8 раза увеличился грузооборот;

3) в рамках подписанных соглашений при вступлении Кыргызстана в ЕАЭС заработал Кыргызско-Российский инвестиционный фонд с капиталом в один миллиард долларов. За год Фондом выделены льготные кредиты хозяйствующим объектам на сумму более 150 млн долл. США. Выдача кредитов продолжается;

4) резко увеличился потенциал туристической отрасли, количество туристов увеличилось за год на 28 %;

5) в рамках подписанных соглашений при вступлении в ЕАЭС произведено перевооружение армии Кыргызстана на сумму более одного миллиарда долларов (современное стрелковое вооружение, легкая и тяжелая бронетехника, современные военные вертолеты и самолеты);

6) на укрепление внешних государственных границ выделено 200 млн долл.;

7) перестали поступать товары из Китайской Народной Республики по упрощенной схеме уплаты импортных таможенных пошлин;

8) сократилось количество ввозимых легковых автомобилей из стран Европы, США и Японии;

9) принят запрет на ввоз праворулевых легковых автомобилей;

10) произошло увеличение импортных пошлин на ввоз товаров в среднем на 5 %;

11) в Кыргызстан начали завозиться дешевые товары промышленности и сельского хозяйства, которые заметно повлияли на конкурентную способность местных производителей.

Меры, которые могут усилить интеграционные связи между Кыргызстаном и Россией в будущем в рамках ЕАЭС, следующие.

1. Необходимо ускорить создание межрегиональных проектов по связи восточных регионов России (Уральский регион, Алтай, Юго-Западная Сибирь) и Кыргызстана с целью усиления экономических и культурных отношений, что существенно скажется на укреплении взаимодействия между дружественными народами и развитии русского языка как языка межнационального общения.

2. Создать совместные предприятия по выращиванию и переработке сельскохозяйственной продукции восточных регионов России и Кыргызстана. Использовать Кыргызстан как плацдарм для экспорта совместно созданной продукции на рынки стран ЕС, КНР, Турции, Ирана, Индии и др.

3. Ускорить процесс смягчения барьеров для экспорта товаров, инвестиционной поддержки бизнеса и укрепления безопасности как для стран ЕАЭС в целом, так для России и Кыргызстана, в частности.

4. Приумножать единое информационное пространство ЕАЭС, чаще проводить экономические и социально-культурные форумы и конференции на тему углубления интеграционных процессов между странами ЕАЭС, между Россией и Кыргызстаном.

5. Увеличить сроки пребывания граждан ЕАЭС без регистрации, сделать переезд в сопредельные страны более быстрым и удобным как для граждан, так и для автомашин, рассмотреть в перспективе вопрос принятия института двойного гражданства стран ЕАЭС.

6. Рассмотреть вопрос о подписании договора о пенсионном обеспечении граждан ЕАЭС.

7. Необходимо выделить регионам России и странам ЕАЭС в долгосрочную аренду земельные участки на берегу озера Иссык-Куль с целью строительства домов отдыха, санаториев и пансионатов, а также детских лагерей для круглогодичного отдыха граждан России и ЕАЭС.

XV. Социальное самочувствие мигрантов из государств – членов ЕАЭС в Москве

Несмотря на широкое использование понятия «социальное самочувствие» как научного термина в современной исследовательской практике, данное понятие вошло в социологический словарь сравнительно недавно. Одним из первых исследователей в изучении социального самочувствия можно назвать Б. Д. Парыгина, который в своей монографии «Общественное настроение», вышедшей в середине 1960-х гг., дал интерпретацию данного понятия, рассматривая его как интегральный показатель общественного настроения⁴³. На сегодняшний день сделано немало попыток с различных научных позиций, в том числе и социологии, ответить на вопрос о сущности социального самочувствия⁴⁴.

К настоящему времени в отечественной социологии, как справедливо отмечает Л. И. Михайлова⁴⁵, сложились следующие подходы к изучению социального самочувствия. Во-первых, социальное самочувствие определяют как удовлетворенность индивида различными сторонами своей жизни. Сторонники данного подхода рассматривают его как отражение образа жизни и для измерения учитывают деятельность человека в различных сферах жизнедеятельности (например: трудовой, семейной, досуговой и т. д.)^{46, 47}. Второй подход

⁴³ Парыгин Б. Д. *Общественное настроение*. – М.: Мысль, 1966. – 327 с.

⁴⁴ Сулова Т. Ф. Социальное самочувствие личности в условиях миграции // Вестник МГОУ. Серия: Психологические науки. – 2016. – № 4. – С.89–101; Осинский И. И., Бутуева З. А. Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14. – С. 38–45.; Русалинова А. А. Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 1994. – № 1. – С. 49–61; Юдина Т. Н. Социальное самочувствие мигрантов, проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральных округах // http://migrocenter.ru/science-science019_5 и др.

⁴⁵ Михайлова Л. И. Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – Март. – С. 45–50.

⁴⁶ См. Давыдова Е. В. *Измерение социального самочувствия молодежи*. – М.: Институт социологии РАН, 1992.

характеризуется тем, что социальное самочувствие рассматривается как «интегральная характеристика реализации жизненной стратегии личности, отношение к окружающей действительности, субъективные ее стороны»⁴⁸. При этом анализируется взаимосвязь между уровнем притязаний и степенью удовлетворения смысложизненных потребностей, реализованности жизненной стратегии. Третий подход рассматривает социальное самочувствие как основу социального настроения, его эмоциональный фон, который обусловлен оценкой и самооценкой социального статуса и социального положения, который проявляется в представлениях человека о возможностях достижения желаемого⁴⁹.

Исходя из того, что социальное самочувствие сложный показатель социального мироощущения, и в связи с проблемным полем нашего исследования, мы предлагаем рассматривать социальное самочувствие мигрантов как условие их успешной адаптации к жизнедеятельности в принимающей стране и в той социальной ситуации, с которой они сталкиваются в стране пребывания, какой бы она ни была по степени напряженности и трудности.

В основу измерения социального самочувствия мигрантов из государств – членов ЕАЭС были положены показатели, отражающие меру выраженности субъективного восприятия респондентами реальности, обусловленной фактом их пребывания в Москве, подтверждаемые собственными комментариями, дополнениями, эмоциональными реакциями на проблемы, события, сопровождающие их жизнеустройство.

При анализе мы базировались на следующих типах социального самочувствия: 1) позитивное социальное самочувствие; 2) пограничное социальное самочувствие; 3) негативное (патологическое) состояние. Данные типы самочувствия, которые были предложены Н. Н. Кобозевой в ее диссертационном исследовании «Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона»⁵⁰. Портрет трудового мигранта в аспекте социального самочувствия отражает эмпирические признаки его типов: позитивного, пограничного и негативного.

⁴⁷ Орлова Л. А. О социальном самочувствии учителей Московской области // Социологические исследования. – 1998. – № 8.

⁴⁸ Петрова Л. Е. Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12.

⁴⁹ Тоценко Ж. Т., Харченко С. Социальное настроение. – М., 1996.

⁵⁰ Кобозева Н. Н. Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона / Научная библиотека диссертаций и авторефератов disserCat // <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-trudovykh-migrantov-v-sotsiokulturnykh-usloviyakh-prinimayushchego-#ixzz4nDoQcmof>.

При характеристике трудовых мигрантов из государств – членов ЕАЭС как социокультурных групп мы выделяли такие качества, как готовность адаптироваться к особенностям Москвы как принимающего региона; их способность к восприятию новых форм взаимодействия; потребность в признании их компетентности и профессионального опыта; стремление к сохранению приверженности ценностям своей культуры и к поддержанию кровнородственных сетей.

В роли детерминант социального самочувствия мы рассматривали систему различного уровня факторов. В качестве их выступали те социальные воздействия, на основе которых формировались восприятия и оценка мигрантами того окружающего мира, в котором стали жить.

В ходе эмпирического исследования было опрошено четыре группы респондентов (по 100 человек в каждой группе), представляющих четыре государства – члена ЕАЭС: граждане Армении, Беларуси, Казахстана и Кыргызстана⁵¹.

Главная цель их прибытия в Москву: это работа, предпринимательство/бизнес. Каждый десятый из Беларуси, Казахстана и Кыргызстана и каждый четвертый из Армении приехал в Москву получить образование.

Анализ социального самочувствия трудовых мигрантов через субъективную удовлетворенность своей трудовой деятельностью, социально-бытовым устройством и взаимодействием с коренными жителями показал следующее.

Удовлетворенность трудовой деятельностью и ее оплатой.

На вопрос анкеты «Считаете ли вы, что Ваша работа?» хорошо оплачивается, респонденты из всех четырех стран ЕАЭС в своем большинстве удовлетворены уровнем оплаты их трудовой деятельности в Москве. Однако уровень удовлетворенности мигрантов из Казахстана и Кыргызстана значительно ниже, чем мигрантов их Армении и Беларуси.

Работа, которую выполняют мигранты в Москве, как правило, соответствует их знаниям, способностям и возможностям и удовлетворяет все группы мигрантов в целом. Заметим, что удовлетворенность работой в целом у мигрантов из Казахстана и Кыргызстана ниже, чем у мигрантов их Армении и Беларуси. У первой пары ей «не

⁵¹ Мигранты из стран – членов ЕАЭС на московском рынке труда. Руководитель: д-р социол. н., проф. Г. И. Осадчая, члены ВТК: д-р социол. н., проф. Т. Н. Юдина, д-р социол. н., доцент И. В. Лескова. Исследование проведено методом полуструктуризованного интервью в июне 2015 г. и июне 2016 г. Опрошено по 100 мигрантов из Армении, Беларуси, Казахстана и Киргизии, отобранных методом «снежного кома» по одному признаку – приехавшие в Москву после 2000 г.

удовлетворен в основном» и «не удовлетворён» каждый третий, то у второй пары – только каждый четвертый (см. табл. 1).

Это сказалась в той же зависимости и на уровне удовлетворенности своим средним ежемесячным доходом в Москве. Если полностью не удовлетворен средним ежемесячным доходом только каждый десятый мигрант из Армении и Беларуси, то такое же мнение высказывает каждый четвертый мигрант из Казахстана и Кыргызстана. Вместе с тем две третьих мигрантов из всех стран имеют возможность посылать деньги на родину (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1

Удовлетворенности мигрантов своей трудовой деятельностью и ее оплатой в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
Хорошо оплачивается				
Да	16,9 %	30,0 %	14,9 %	6,4 %
В основном да	60,7 %	40,0 %	41,5 %	47,9 %
В основном нет	21,3 %	20,0 %	35,1 %	31,9 %
Нет	1,1 %	10,0 %	8,5 %	13,8 %
Соответствует Вашим знаниям, способностям и возможностям				
Да	22,5 %	34,4 %	19,1 %	17,0 %
В основном да	51,7 %	28,9 %	44,7 %	42,6 %
В основном нет	20,2 %	22,2 %	25,5 %	27,7 %
Нет	5,6 %	14,4 %	10,6 %	12,8 %
В целом удовлетворяет Вас				
Да	19,1 %	35,6 %	22,3 %	10,6 %
В основном да	56,2 %	38,9 %	40,4 %	50,0 %
В основном нет	22,5 %	14,4 %	28,7 %	23,4 %
Нет	2,2 %	11,1 %	8,5 %	16,0 %

Таблица 2

Удовлетворенности мигрантов своим средним ежемесячным доходом в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
Удовлетворены ли Вы своим средним ежемесячным доходом в Москве?				
Полностью удовлетворен(а)	23,6 %	35,7 %	18,7 %	14,1 %
Частично	62,9 %	49,0 %	57,9 %	58,6 %
Не удовлетворен(а)	13,5 %	15,3 %	23,4 %	27,3 %
Можете ли Вы посылать деньги семье, родственникам и друзьям в Армению, Беларусь, Казахстан, Кыргызстан?				
Да	68,3 %	61,2 %	66,7 %	61,0 %
Нет	31,7 %	38,8 %	33,3 %	39,0 %

Подводя итог первой составляющей социального самочувствия в Москве мигрантов из государств – членов ЕАЭС, можно сказать, что тип социального самочувствия мигрантов из Армении и Беларуси позитивный, а из Казахстана и Кыргызстана пограничный. Это подтверждают результаты ответа на вопрос об их материальном обеспечении. Среди мигрантов из Казахстана и Кыргызстана выше доля тех, кто плохо материально обеспечен (см. табл. 3).

Таблица 3

Удовлетворенность мигрантов своим материальным обеспечением в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
Вы материально обеспечены?				
Хорошо	43,6 %	41,8 %	19,3 %	24,5 %
Удовлетворительно	45,5 %	49,1 %	61,5 %	62,7 %
Плохо	10,9 %	9,1 %	19,3 %	12,7 %

Удовлетворенность социально-бытовым устройством.

Во время работы в Москве мигранты из стран ЕАЭС, как правило, проживают в арендованной квартире или комнате. Выходцев из Казахстана и Кыргызстана более активно поддерживают родственники и друзья, предоставляя им возможность жизнь у них (см. табл. 4).

Таблица 4
Место проживания мигрантов в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
Где Вы проживаете в Москве?				
В арендованной комнате или квартире	52,3 %	53,3 %	51,4 %	48,1 %
У друзей или родственников	18,7 %	20,0 %	29,0 %	27,8 %
В общежитии	9,3 %	13,3 %	15,0 %	22,2 %
В гостинице	0	1,0 %	0	0
Другое	19,6 %	12,4 %	4,7 %	1,9 %

Удовлетворенность данными жилищными услугами оценивается абсолютным большинством мигрантов во всех четырех группах как хорошие и удовлетворительные. Заметим при этом, что процент мигрантов из Армении и Беларуси, оценивающих свои жилищные условия как хорошие, на 10 пунктов выше аналогичной оценки, которую дают свои жилищным условиям мигранты из Казахстана и Кыргызстана (см. табл. 5).

Таблица 5
Удовлетворенность мигрантов своими жилищными условиями в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
У Вас жилищные условия				
Хорошие	40,0 %	44,5 %	33,6 %	31,8 %
Удовлетворительные	50,0 %	49,1 %	53,6 %	60,9 %
Плохие	10,0 %	6,4 %	12,7 %	7,3 %

Так как более 60 % мигрантов приехали в Москву с детьми, то для их социального самочувствия очень важно могут ли они ходить в ясли или детские сады и учиться в школе. Более 80 % мигрантов из Армении и Беларуси оценивают возможности для определения детей (внуков) в ясли, сад как хорошие и удовлетворительные. Мигранты из Казахстана и Кыргызстана также оценивают эти возможности как высокие, но несколько ниже, чем предыдущие две группы. С учетом проблемной ситуации с яслями и детскими садами в Москве, можно считать возможность для определения детей (внуков) в ясли, сад для всех групп мигрантов очень высокой. Уровень возможности для обучения, образования детей (внуков) мигрантами всех групп оценивается аналогично возможности для определения детей (внуков) в ясли, сад (см. табл. 6).

Таблица 6

Оценка мигрантами своей возможности для определения детей (внуков) в ясли, сад; для обучения, образования в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
У Вас возможности для определения детей (внуков) в ясли, сад				
Хорошие	31,8 %	31,6 %	13,3 %	35,1 %
Удовлетворительные	54,1 %	55,1 %	62,9 %	44,3 %
Плохие	14,1 %	13,3 %	23,8 %	20,6 %
У Вас возможности для обучения, образования детей (внуков)				
Хорошие	32,9 %	34,7 %	15,2 %	35,1 %
Удовлетворительные	54,1 %	52,0 %	61,0 %	42,3 %
Плохие	12,9 %	13,3 %	23,8 %	22,7 %

Уровень питания и одежды оценивается мигрантами из Армении и Беларуси более высоко, чем мигрантами из Казахстана и Кыргызстана. Среди ответов респондентов из первой группы преобладают хорошие оценки, а второй – удовлетворительные. Но процент среди всех групп плохих оценок приблизительно одинаков (см. табл. 7).

Таблица 7

Оценка мигрантами своей возможности питания и приобретения одежды в Москве

	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
Вы питаетесь				
Хорошо	72,7 %	70,9 %	55,0 %	55,5 %
Удовлетворительно	25,5 %	28,2 %	42,2 %	40,9 %
Плохо	1,8 %	,9 %	2,8 %	3,6 %
Вы одеваетесь				
Хорошо	68,2 %	59,1 %	35,8 %	40,9 %
Удовлетворительно	30,0 %	38,2 %	55,0 %	54,5 %
Плохо	1,8 %	2,7 %	9,2 %	4,5 %

Еще одной составляющей из этой группы показателей, являются возможности мигрантов для проведения отпуска, каникул; свободного времени и занятий физкультурой и спортом. Более 80 % мигрантов из Армении и Беларуси оценивают свои возможности по проведению своего отпуска и каникул как хорошие и удовлетворительные. Эти же возможности мигранты из Казахстана и Кыргызстана оценивают тоже достаточно высоко, но, как и в предыдущих оценках, доля тех, кто оценивает их как хорошие ниже, чем у первых двух групп мигрантов. С небольшими колебаниями, но в целом аналогичная картина по всем группам мигрантов наблюдается и по их возможностям проведения свободного времени и занятий физкультурой и спортом (см. табл. 8).

Для решения проблем в сфере социально-бытового устройства мигрантов, а значит – их адаптации и интеграции, может во многом способствовать наличие развитой системы социальной поддержки. Как показало наше исследование, наиболее востребованными социальными услугами для всех групп мигрантов являются социально-медицинские услуги, услуги социального страхования мигрантов, социально-трудовые услуги, социально-правовые услуги. Наименее востребованы социально-педагогические услуги.

Таблица 8

Оценка мигрантами своей возможности для проведения отпуска, каникул, свободного времени, занятий физкультурой и спортом в Москве

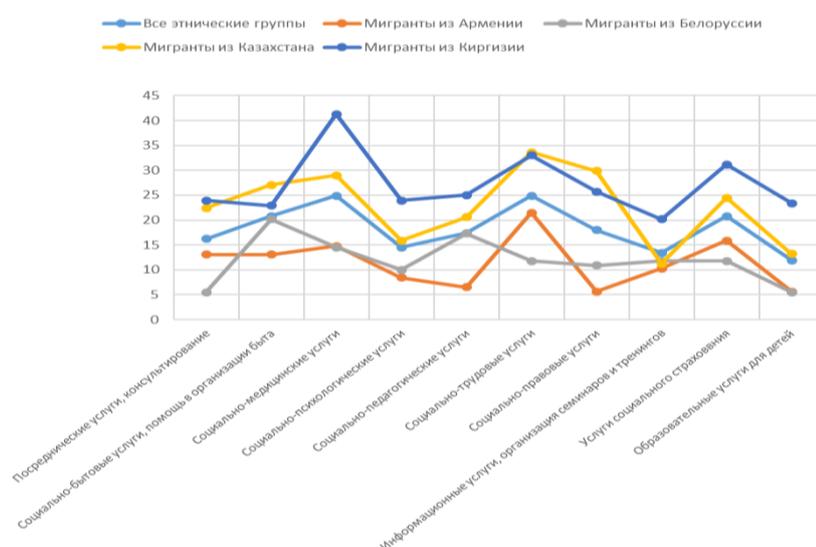
	Мигранты из Армении	Мигранты из Беларуси	Мигранты из Казахстана	Мигранты из Кыргызстана
У Вас возможности для проведения отпуска, каникул				
Хорошие	32,7 %	35,5 %	21,8 %	22,9 %
Удовлетворительные	49,1 %	49,1 %	47,3 %	43,1 %
Плохие	18,2 %	15,5 %	30,9 %	33,9 %
У Вас возможности для проведения свободного времени				
Хорошие	40,9 %	51,8 %	37,3 %	30,9 %
Удовлетворительные	43,6 %	38,2 %	43,6 %	51,8 %
Плохие	15,5 %	10,0 %	19,1 %	17,3 %
У Вас возможности для занятий физкультурой и спортом				
Хорошие	47,3 %	70,9 %	50,9 %	45,9 %
Удовлетворительные	42,7 %	23,6 %	32,7 %	41,3 %
Плохие	10,0 %	5,5 %	16,4 %	12,8 %

Примечательно, что доступность социальных услуг дифференцирована по этнической принадлежности мигрантов. Наиболее доступным весь спектр социальных услуг является для мигрантов из Армении и Беларуси. При этом посреднические услуги, социально-трудовые и услуги социального страхования в большей степени доступны для мигрантов из Беларуси. Для мигрантов из Кыргызстана доступ к социальным услугам наиболее затруднителен. Так, социально-медицинские услуги не доступны практически половине киргизских мигрантов (41,3 %). По всем этническим группам наименее доступными являются социально-трудовые, социально-медицинские услуги и услуги социального страхования (см. рис. 1).

Оценивая в целом удовлетворенность социально-бытовым устройством мигрантов из стран ЕАЭС в Москве, можно, на наш взгляд, утверждать, что тип социального самочувствия мигрантов из Армении и Беларуси позитивный, а из Казахстана и Кыргызстана ближе к верхней планке пограничного.

Рисунок 1

Распределение ответов на вопрос:
«Насколько доступны Вам данные социальные услуги?»
(ответ: «Не доступны» + «Скорее, не доступны», по этническим группам,
в % от числа ответивших)

Характер взаимодействия мигрантов с коренными жителями.

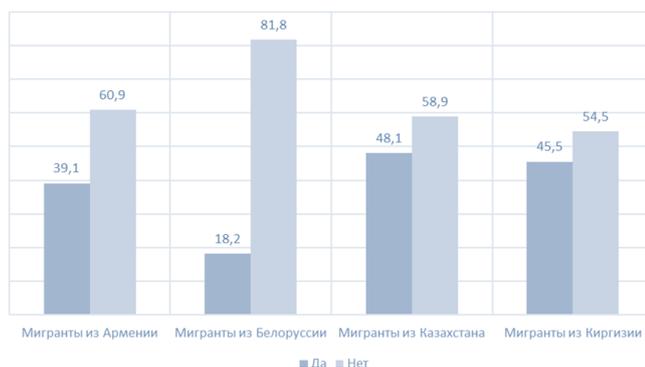
Наиболее важным индикатором в характере взаимодействия мигрантов из стран ЕАЭС с москвичами является дискриминационные отношения по национальному или этническому признаку. Мигрантам из Казахстана и Кыргызстана чаще других приходится сталкиваться с дискриминацией по этническому и национальному признаку (ответ: «Да» – 48,1 % и 45,5 %, соответственно), в то время как подавляющее большинство мигрантов из Беларуси и большинство мигрантов из Армении с данным явлением не сталкивались (ответ: «Нет» – 60,9 % и 81,8 %, соответственно) (см. рис. 2).

Подводя итоги в целом социального самочувствия мигрантов из стран ЕАЭС в Москве можно на наш взгляд утверждать, что тип социального самочувствия мигрантов из Армении и Беларуси позитивный, а из Казахстана и Кыргызстана – пограничный.

Для того чтобы улучшить социальное самочувствие мигрантов в Москве, особенно мигрантов из Казахстана и Кыргызстана, необходимо разрешить те проблемы, которые для мигрантов актуальны. Как показали результаты исследования, практически половина респондентов указывает на проблемы с жильём, еще около одной трети мигрантов из стран ЕАЭС отмечают трудности в получении работы.

Рисунок 2

Распределение ответов на вопрос: «Приходилось ли Вам сталкиваться с дискриминацией по национальному и этническому признаку?», в % от числа ответивших

Проблемы с получением медицинских и социальных услуг являются актуальными для 22,5 % респондентов. Примечательно, что получение медицинских услуг представляет собой большую проблему для мигрантов, нежели получение социальных услуг, либо их доступность.

На проблемы дискриминационного характера указывают 21,6 % респондентов, при этом у 15,7 % мигрантов это проявляется в контексте с негативными стереотипами и предубеждениями со стороны окружающих людей, а ещё у 5,9 % в дискриминационном поведении властей, включая полицию (см. рис. 3).

Рисунок 3

Распределение ответов на вопрос: «С какими проблемами Вы столкнулись в России?», в % от числа ответивших

Для более глубокого анализа социального самочувствия мигрантов из стран ЕАЭС в Москве, на наш взгляд, необходимо выделение дополнительных критериев, охватывающий более широкий пласт показателей.

Использованная литература:

1. *Давыдова Е. В.* Измерение социального самочувствия молодежи. – М.: Институт социологии РАН, 1992.
2. *Кобозева Н. Н.* Социальное самочувствие трудовых мигрантов в социокультурных условиях принимающего региона / Научная библиотека диссертаций и авторефератов // disserCat // <http://www.dissercat.com/content/sotsialnoe-samochuvstvie-trudovykh-migrantov-v-sotsiokulturnykh-usloviyakh-prinimayushchego-#ixzz4nDoQcmof>.
3. *Михайлова Л. И.* Социальное самочувствие и восприятие будущего россиянами // Социологические исследования. – 2010. – № 3. – Март. – С. 45–50.
4. *Орлова Л. А.* О социальном самочувствии учителей Московской области // Социологические исследования. – 1998. – № 8.
5. *Осинский И. И., Бутужева З. А.* Социальное самочувствие: понятие, факторы формирования и показатели измерения // Вестник Бурятского государственного университета. – 2015. – № 14. – С. 38–45.
6. *Парыгин Б. Д.* Общественное настроение. – М.: Мысль, 1966. – 327 с.
7. *Петрова Л. Е.* Социальное самочувствие молодежи // Социологические исследования. – 2000. – № 12.
8. *Русалинова А. А.* Социальное самочувствие человека в современном мире как научная проблема // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. – 1994. – № 1. – С. 49–61.
9. *Суслова Т. Ф.* Социальное самочувствие личности в условиях миграции // Вестник МГОУ. / Серия: «Психологические науки». – 2016. – № 4. – С. 89–100.
10. *Тощенко Ж. Т., Харченко С.* Социальное настроение. – М., 1996.
11. *Юдина Т. Н.* Социальное самочувствие мигрантов, проживающих в Центральном и Северо-Западном федеральных округах // http://migrocenter.ru/science-science019_5.

Наши авторы

ОСИПОВ Геннадий Васильевич, академик РАН, директор ФГБУН ИСПИ РАН.

ОСАДЧАЯ Галина Ивановна, доктор социологических наук, профессор, зам. директора ФГБУН ИСПИ РАН по научной работе, руководитель Центра методологии исследования социально-политических процессов евразийской интеграции.

АНДРЕЕВ Эдуард Михайлович, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ФГБУН ИСПИ РАН, действительный член Российской академии социальных наук.

КАЛМЫКОВ Николай Николаевич, кандидат социологических наук, директор Экспертно-аналитического центра РАНХиГС.

ПОГОСЯН Геворк Арамович, академик АН Армении, директор Института философии, социологии и права АН Республики Армения.

СОКОЛОВА Галина Николаевна, доктор социологических наук, профессор, руководитель Центра постсоветских исследований ИС НАН Беларуси.

ДОДОНОВ Вячеслав Юрьевич, главный научный сотрудник КИСИ при Президенте Республики Казахстан.

ОГНЁВА Юлия Игоревна, аналитик Экспертно-аналитического центра РАНХиГС.

СЕЛЕЗНЁВ Игорь Александрович, кандидат социологических наук, доцент, старший научный сотрудник ФГБУН ИСПИ РАН.

ДАДАБАЕВА Зарина Абдурахмановна, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник ФГБУН ИЭ РАН.

ЛЕСКОВА Ирина Валерьевна, доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры социологии ФГБОУ ВО Российский государственный социальный университет.

БРЕДИХИН Антон Викторович, кандидат исторических наук, научный сотрудник ФГБУН ИМЭМО РАН им. Е. М. Примакова.

ДЕЛОВАРОВА Лейла Фёдоровна, доктор философии, зам. декана факультета международных отношений КазНУ им. аль-Фараби.

ТУРДУБАЕВА Эльмира Камалдиновна, кандидат социологических наук, доцент зав. кафедрой социальной работы и социального права филиала ФГБОУ ВО РГСУ в г. Ош Кыргызской Республики.

САРЫМСАКОВ Руслан Адыканович, действительный член Международной славянской академии наук, образования, искусств и культуры, Заслуженный строитель Кыргызской Республики, почетный профессор КГУСТА, председатель Совета общественной палаты «Ассоциация интеллигенции Кыргызстана».

ЮДИНА Татьяна Николаевна, доктор социологических наук, профессор, зав. кафедрой социологии ФГБОУ ВО РГСУ.

**Проект «Социально-политическое измерение
реализации процессов евразийской интеграции».**

*Выпуск № 3.
Евразийская интеграция:
проблемные звенья и точки роста.*

Под общей редакцией
академика РАН Г. В. ОСИПОВА
и д. социол. н., проф. Г. И. ОСАДЧЕЙ

Н а у ч н о е и з д а н и е

Подписано в печать 5. 09. 2017.
Тираж 550 экз.
Объем 4,75 уч.-изд. л., 6,25 усл. п. л.